

Монголо-российское сотрудничество в сфере научных исследований на современном этапе^{*}

Алтай Дулбаа

Институт международных исследований МАН

Аннотация: В статье рассматривается проблема монголо-российского сотрудничества в сфере научных исследований на примере Монгольской академии наук (МАН) и Российской академии наук в период с начала 1990-х до 2018 г. Поскольку Монголия и Россия в это время одинаково переживали переходный период к демократии и рыночной экономике, вначале анализируется состояние взаимоотношений и сотрудничества между двумя государствами, его влияние на развитие двустороннего научно-технического взаимодействия. Раскрываются изменения в правовой основе научно-технического развития Монголии, вопросы установления стабильных отношений между академиями двух стран, подписания новых соглашений о дальнейшем сотрудничестве между однопрофильными институтами и научными учреждениями. Показаны конкретные примеры двустороннего научного взаимодействия между институтами Академий двух стран в области естественных и общественных наук. Основной формой сотрудничества становится осуществление научно-исследовательских проектов и совместных грантов при поддержке РФФИ и РГНФ со стороны России и Научно-Технологического Фонда со стороны Монголии. В заключении автор делает выводы и комментарии относительно тенденций двухстороннего научного взаимодействия.

Ключевые слова: Научно-Технологический Фонд Монголии (НТФМ), Российский государственный научный фонд (РГНФ), Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), научно-техническое сотрудничество (НТС), инновация, совместный научно-исследовательский грант, монголо-российская биологическая экспедиция.

Present Mongolian Russian cooperation in the field of scientific research

Altai Dulbaa

Institute of International Studies, Mongolian Academy of Sciences

^{*} Исследование проведено в рамках НИПроекта при поддержке НТФонда Монголии «Трехстороннее взаимодействие Монголии, РФ и КНР в период после «холодной войны»» (1991–2018).

Abstract: *This paper analyzed the issue of Mongolian Russian cooperation in the field of scientific research on example of Mongolian Academy of Sciences and Russian Academy of Sciences from period beginning of 1990s until 2018. Firstly, at this time both Mongolia and Russia have undergone the transformation process to democracy and market oriented economy, due to these challenges, relations between Mongolia and Russia faced some obstacles. These situations have had some negative influence to humanitarian interaction, especially on scientific and technical cooperation between Academy of Sciences of two countries. Also, considered the legal and contractual basis of scientific and technical development in Mongolia, issue on stabilization of relationships between two Academy of Sciences, signing cooperation agreement between single-profile Institutes, science and education organization of two countries. Furthermore, the specific examples are given on current bilateral cooperation on the field of natural and social sciences. The implementing of research project and joint research grant become a main form of the cooperation between the Institutes of the Academy of Sciences for two countries. In finally, author gives some conclusions and comments.*

Key words: *Mongolian Science and Technology Foundation, Russian Foundation for Basic Research, Russian Foundation for the Humanities, scientific and technical cooperation, innovation, joint research grant, joint Mongolia-Russia scientific expedition on biology*

Состояние монголо-российских взаимоотношений и его влияние на двустороннее научно-техническое сотрудничество

Начало 1990-х гг. стало переломным в истории Монголии и России в связи с радикальными переменами переходных процессов к демократии и рыночным реформам. Завершился 70-летний этап сотрудничества и взаимодействия Монгольской Народной Республики и Советского Союза и начался новый—между Российской Федерацией после распада СССР и Монголией, сменившей прежнее название и принявшей новую Конституцию в 1992 г., по которой страна отказалась от старой модели социально-экономического и политического развития во имя построения гуманного, гражданского демократического общества [www.legalinfo.mn/law/details/367]. Новые реалии и вызовы во внутренней жизни двух стран обусловили изменения внешнеполитического курса, в связи с этим наметились сдвиги в политике по отношению друг к другу. Изменившаяся ситуация вызвала мотивацию на переосмысление подхода к вопросу о монголо-российских взаимоотношениях, что

обусловило некоторый «спад» в их развитии. Приоритеты внешней политики РФ и Монголии начали смещаться в сторону развития отношений со странами Запада, акцентирование России на решение внутренних проблем, субъективные факторы с российской стороны проявились пассивностью во взаимоотношениях между двумя государствами.

Отказ Монголии от роли «сателлита» бывшего СССР и идеологизированных постулатов привели к определению принципиально нового внешнеполитического курса, основные принципы и направления которого сформулированы в «Концепции внешней политики» и «Концепции национальной безопасности Монголии», принятых в 1994 г. Великим Государственным Хуралом (парламентом) страны. Монголия провозгласила открытую, многоопорную внешнюю политику, придерживающейся признанных норм и принципов международного права и проводить миролюбивую внешнюю политику. Функционирование товарообмена в свободно конвертируемой валюте, наличие нерешенных проблем, как например, вопроса о «большом долге» Монголии РФ, нехватка финансов и капиталовложений в экономику и социальные сферы Монголии обусловили некоторый спад в научно-техническом сотрудничестве между государствами. Подписание в феврале 1991 г. «Декларации о дружбе и добрососедском сотрудничестве между МНР и СССР» сыграло немаловажную роль в преодолении напряженности во взаимоотношениях двух стран. В 1992 г. была заново воссоздана монголо-российская межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. С 1993 г. наступил новый, современный этап развития дружественных российско-монгольских отношений, основанных на общих принципах международного права, в том числе признания равноправия, суверенитета, независимости, невмешательства во внутренние дела, взаимной выгоды и др. В январе 1993 г. был подписан «Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между РФ и Монголией», который стал базовым документом, отвечающим современным требованиям межгосударственных отношений

в новых условиях глобализации и международного миропорядка. Стороны отказались от принципов социалистического интернационализма и обязанностей военно-политического союзника, закрепленных в Договоре между МНР и СССР от 1966 г., договорились развивать политические, экономические, культурные и научно-технические взаимоотношения, опираясь на общепризнанные демократические принципы межгосударственных отношений согласно Уставу ООН. Также было подписано Совместное заявление, в котором впервые на высоком уровне осудили массовые репрессии, имевшие место в СССР и МНР в 1930–1940-х гг., отмечалось о принятии мер для восстановления исторической правды и недопущении впредь повторения подобного. В качестве практического выполнения мер, указанных в совместном заявлении, нужно отметить, что вскоре для монгольских исследователей стали доступны архивные материалы этого периода, засекреченные в советских архивах. В апреле 1995 г. в Москве с рабочим визитом находился премьер-министр Монголии П. Жасрай. В ходе двусторонних переговоров было подписано 10 документов, в том числе межправительственное «Соглашение о научном и культурном сотрудничестве», соглашения о взаимных поездках граждан и др., а также Протокол о торгово-экономическом сотрудничестве на 1995 г. Стороны договорились активизировать работу по совершенствованию правового фундамента монголо-российских отношений, и в первую очередь, над пакетом соглашений, призванных обеспечить надежное функционирование механизма торгово-экономических и гуманитарных связей, отвечающего рыночным реалиям. Известный российский монголовед Г. С. Яскина писала: «Следует особо отметить значение Соглашения между Правительством РФ и Правительством Монголии о научно-техническом сотрудничестве, подписанного 5 апреля 1995 г. Основное внимание в Соглашении было уделено задачам установления и оказания поддержки в установлении, развития и поддержки непосредственных связей между научно-исследовательскими и образовательными учреждениями обеих стран, обмену опытом и публикациями» [Яскина 2001: 213].

Действительно, данное Соглашение послужило правовой основой для восстановления и активизации двухстороннего научно-технического взаимодействия в новых условиях. В ноябре 2000 г. состоялся визит Президента Российской Федерации В. В. Путина в Улан-Батор, ставший крупным событием для развития монгольско-российских отношений, с этого момента отношения между Монголией и РФ перешли в более активную фазу сотрудничества, о чем свидетельствуют Улан-Баторская (2000), а также Московская (2006) Декларация, подписанная во время визита Президента Монголии Н. Энхбаяра в Москву. Вышеупомянутые документы придали импульс всестороннему развитию двусторонних взаимоотношений. По сравнению с предыдущим десятилетием (1990-е гг. – 2000) первая декада XXI в. отличается постоянством взаимных визитов руководителей двух стран на высшем уровне, что свидетельствовало об изменениях в приоритетах российской внешней политики в сторону восточного направления. Налаживание и улучшение монгольско-российских взаимоотношений весьма благоприятно отразилось на восстановлении и развитии гуманитарной составляющей. Со вступлением монгольско-российских взаимоотношений в новую фазу с конца 2000 г. началась активизация двухстороннего научно-технического взаимодействия, которое постепенно укрепляется в организационном плане, возросло число субъектов, участвующих в этом процессе. Это подчеркивал известный ученый, академик, бывший Президент МАН Б. Энхтувшин: «...после визита В. В. Путина в 2000 г. наметился стратегический сдвиг в научно-техническом сотрудничестве между двумя странами» [Энхтувшин 2016: 189]. В 2001 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между МАН и РАН, которые были обновлены соответственно в 2011 и 2019 гг.

25 августа 2009 г. была подписана «Декларация о развитии стратегического партнерства между Монголией и РФ» во время визита Президента РФ Д. Медведева в Улан-Батор по приглашению Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа. По своему содержанию компактная, но охватывающая все аспекты всеобъемлющего

сотрудничества, Декларация в целом формулирует основные направления монголо-российского партнерства таким же образом, как и основные правовые документы, определяющие базис двусторонних отношений. В Декларации подчеркнута необходимость интенсификации таких форм гуманитарного сотрудничества, как, например, обмен преподавателями и научными работниками, аспирантами и стажерами, проведение совместных научно-исследовательских работ, увеличение числа квот и стипендий для монгольских студентов, обучающихся в российских вузах, поощрение открытия филиалов российских образовательных учреждений в Монголии, изучения русского языка в Монголии, а также монгольского языка в России. Этот документ имел также большое значение для укрепления международных позиций Монголии в современном мире, ее национальной безопасности и суверенитета и говорит о высоком статусе монголо-российских взаимоотношений. РФ является первым государством, с которым Монголия впервые установила взаимоотношения стратегического партнерства. В настоящее время основным правовым документом двусторонних отношений служит Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией, подписанный 3 сентября 2019 г. в Улан-Баторе. Таким образом, российско-монгольские отношения вышли на более высокий уровень – всеобъемлющего стратегического партнерства.

Новая правовая основа Монголии в сфере науки, технологии и инноваций. Документы о сотрудничестве между Академиями наук Монголии и РФ

Нормативно-правовые основы в гуманитарной сфере были определены в межправительственной программе РФ и Монголии от 2003 г. и наполнены конкретными идеями и указаниями Улан-Баторской (2000) и Московской (2006) Деклараций. В сентябре 2002 г. была подписана программа межведомственного сотрудничества на 2002–2005 гг. между Министерством образования, науки

и культуры Монголии и минкультуры РФ. Программа предусматривала различные двусторонние мероприятия в области культуры и образования. Также стороны согласовали «...развивать совместные исследования в области истории и культуры, сотрудничество в области консервации и реставрации памятников культуры...» [Нямдолжин 2016: 43]. В мае 2003 г. было подписано Соглашение о взаимном признании образовательных дипломов, научных степеней и званий, что предоставило возможность для монгольской молодежи поступать в российские вузы, обучаться в магистратуре, аспирантуре и докторантуре. По решению XVI заседания межправительственной комиссии Монголии и РФ (декабрь 2012 г.) было указано о необходимости осуществить Программу сотрудничества в целях повышения эффективности двустороннего НТС. Такое планирование способствовало регулированию конкретных задач и их успешному выполнению на практике.

В соответствии с новой Конституцией Монголии 1992 г., в период 1992–2012 гг. были заново определены стратегия и основы государственной политики в области науки, приняты законодательные акты на базе новых правовых принципов относительно науки, технологии и инноваций, утверждены «Основы государственной политики в области науки и технологии», приняты законы «О науке и технологии» (принят в 1998 г., в 2002 и 2012 гг. сделаны дополнения и поправки), «О статусе Академии наук Монголии» (1996), «Об инновации» (2012), в которых заложены кардинально новые принципы регулирования деятельности научных организаций в изменившихся условиях. При правительстве страны был создан Национальный комитет, на котором обсуждаются вопросы развития науки и технологии. Вновь созданный Научно-Технологический Фонд Монголии (НТФМ) был призван оказать финансовую поддержку в осуществлении заказных научно-исследовательских проектов и совместных грантов, что сыграло немаловажную роль в деятельности научных и образовательных учреждений страны. В двустороннем договоре об осуществлении исследовательских проектов были подробно зафиксированы функции заказчика

и исполнителя, которое позволило целесообразно оценить интеллектуальный труд научных сотрудников и вознаградить его материально. Новый принцип финансирования научных исследований в форме проектов и грантов стал основным механизмом деятельности научных учреждений, который практикуется и по сей день. Этот принцип стал главной особенностью нового Закона о науке и технологии Монголии. Для внедрения результатов научных изысканий, использования национального интеллектуального потенциала, сохранения и защиты научных творческих открытий в условиях рыночных механизмов большое значение имели принятые законодательные акты «О передаче технологии», «О патентах», «Об авторском праве», «Об интеллектуальной собственности», «О культуре», «О защите культурного наследия». Новые законопроекты и связанные с ними директивные указания стали новым правовым базисом для деятельности АН Монголии, других научных и образовательных учреждений в современных условиях научно-технического прогресса, а также ориентиром для развития монголо-российского НТС в эпоху глобализации.

Ныне, наряду с вышеупомянутым Соглашением о сотрудничестве, подписанном между МАН и РАН в 2001 г. (обновлены соответственно в 2011, 2019 гг.) насчитывается более 40 документов о сотрудничестве, подписанные с Сибирским, Дальневосточным, Уральским отделениями РАН, между однопрофильными институтами двух академий, установлены прямые связи с научными организациями региональных субъектов России: республик Бурятия, Калмыкия, Тыва, Саха-Якутия, с научными и образовательными учреждениями Иркутска, Красноярска, Улан-Удэ. Увеличение числа субъектов-участников со стороны России свидетельствовало о возросшей заинтересованности двух государств в развитии двухстороннего научного взаимодействия, установлении прямых контактов и новых механизмов взаимного сотрудничества.

В период последней декады XX в. в связи с вызовами социально-экономического перехода к рыночным отношениям научные учреждения Монголии столкнулись с немалыми трудностями, особенно

из-за недостатка финансирования. Если в 1980-х гг. в Монголии на развитие науки и техники выделялось бюджетных средств, составляющих около 1% ВВП, то с начала 90-х гг. оно было резко сокращено. В течение последних 30 лет из госбюджета на науку приходилось лишь 0,1–0,2% ВВП, что конечно, не лучшим образом влияет на результаты научных исследований, укрепление материально-технической базы, техническую и лабораторную модернизацию, на финансирование научных, печатно-издательских и других вспомогательных процедур в научной деятельности. В 2021 г. отмечалось 100-летие Ученого комитета и 60-летие создания МАН, по случаю которого 18 ноября 2021 г. в Улан-Баторе состоялась торжественная сессия академии, где с докладом выступил Президент Академии академик Д. Рэгдэл. Он привел следующие факты: в период с 1961 – до конца 80-х гг. в Монголии насчитывалось около 100 научных учреждений, в которых трудились 6000 научных сотрудников и служащих. По состоянию на конец 2020 г., в МАН функционировали 16 научно-исследовательских институтов, где работали 1700 сотрудников [<https://www.news.mn>]. За последние два десятилетия неоднократно сокращались и перепрофилировались академические институты, что нанесло немалый урон их организационному укреплению, формированию кадрового научного потенциала. Несмотря на трудности, монгольские специалисты, преданные своему делу, продолжают активно заниматься научным творчеством, сотрудничать с российскими коллегами, осуществлять научные проекты и гранты, выпускать качественную научную продукцию, соответствующую современным требованиям.

Новые правовые документы и акты, меморандумы о сотрудничестве между Академиями наук Монголии и России, договорные основы сотрудничества в области науки и технологии, действие нового механизма финансирования научно-исследовательских проектов и совместных грантов при поддержке РФФИ в области естественных наук, РГНФ в области социально-гуманитарных наук со стороны России, с монгольской – НТФМ дали импульс дальнейшему развитию двустороннего научного взаимодействия.

На фоне благоприятных изменений во взаимоотношениях между Монголией и Россией постепенно возросло количество совместных научных грантов, улучшилось качество научной продукции в форме коллективных монографий, статей, атласов и карт, открытий и находок, патентов и инноваций, рекомендаций и др. Среди общего количества совместных научных проектов и исследовательских грантов преобладают работы по естественным наукам по сравнению с работами по общественным наукам. Следует особо подчеркнуть тенденцию повышения эффективности научной продукции, поскольку научные статьи по результатам исследований публикуются в международных научных журналах, научные работы монгольских авторов широко цитируются.

Двухстороннее научное взаимодействие в области естественных наук

В послевоенный период XX в. в Монголии были заложены основы для развития естественных наук в целях изучения и применения их в народном хозяйстве страны. В 1961 г. на базе Ученого комитета была учреждена МАН. В 1969 г. по решению правительств двух стран создается совместная Советско-Монгольская (позднее Российско-Монгольская) комплексная биологическая экспедиция, цель которой состояла в изучении природных богатств, монгольской фауны и флоры, использовании научных достижений в экономическом развитии. В период с 1990-х гг. в результате исследований совместной экспедиции к 2011 г. изданы 13 коллективных трудов, выполнены шесть научных проектов и три совместных гранта, опубликован Комплексный атлас экосистем Монголии. Подготовлены национальные научные кадры, специализирующиеся по основным направлениям совместных исследований, многие из которых защитили кандидатские диссертации под руководством российских ученых, что сыграло важную роль в становлении и развитии биологической науки в Монголии.

Немалых успехов достигли монгольские физики и химики, тесно сотрудничая с российскими коллегами. Примером этого является

участие монгольских физиков в деятельности Международного научного Центра ядерных исследований (1956 г.) в Дубне. Известный монгольский физик, академик Н. Содном с 1967 по 1973 г. являлся заместителем директора данного Центра, здесь же стажировалось не одно поколение монгольских физиков. В 1981 г. монгольский космонавт Ж. Гуррагчаа и советский космонавт В. Джанибеков совершили космический полет в рамках международной программы «Интеркосмос». В ходе полета были апробированы более 30 научных экспериментов, разработанных монгольскими учеными, например, оборудования по электротехнике созданные специалистами Физико-технического Института АН Монголии. Известный монгольский ученый Х. Намсрай в тесном сотрудничестве с российским физиком Г. Е. Ефимовым разработал теорию квантовой среды. Углубляя данное исследование по примеру великого немецкого математика Гаусса, открывшего функцию распределения, в 1986 г. Х. Намсрай создал новое направление в теоретической физике— функцию распределения в квантовой среде и квантовой механики. Химико-технологический Институт АН Монголии славится тесными контактами с такими институтами СО РАН, как Байкальский институт природопользования, Центральный Сибирский Ботанический сад, Институты химии из Новосибирска, Томска, Иркутска. На основе подписанных соглашений о сотрудничестве и по согласованному плану институт выполняет исследовательские работы и осуществляет совместные гранты. В 1976 г. химики Б. Ширчин и Г. Долмаа под руководством известного российского коллеги М. Г. Воронкова открыли более 500 биологически активных органических соединений, которые оценены как вклад в мировую химическую науку. Результаты совместных химических исследований широко используются на практике, например, в ходе выполнения совместного гранта «Бездымовое топливо-производство и эксперимент кормов скота» (2011–2012) издана серия книг, выпущено шесть новых видов продукции, отмечено четыре новых патента.

До 1990-х гг. в рамках советско-монгольской (российско-монгольской) геологической экспедиции на территории Монголии усилиями ученых проводились комплексные исследования по стратиграфии, магматизму, тектонике и металлогении, результаты которых освещены в 50 фундаментальных коллективных изданиях. Новое геохимическое явление редких элементов в структуре металлических камней с аккумуляцией в нем алюминия, разработанное монгольскими геологами в 1985 г., было зарегистрировано как первое научное открытие в истории МАН. Благодаря деятельности монголо-российской научной геологической экспедиции, по данным 2010 г., в геолого-минералогической отрасли Монголии было открыто 1200 месторождений полезных ископаемых, выявлено 8000 проявлений. С начала 1990-х гг. основная задача геологической экспедиции была направлена на изучение тектонической структуры и ее исторического развития. Так, на основе теории «тектоника плит» и использования метода расщепления Террейна, выдвинутой в конце XX в., была выпущена Геологическая карта территории Монголии (1990), первые Тектоническая (2002) и Мезозой-Кайнозойская Тектоническая карты в масштабе 1:1 000 000. Большим прорывом в деятельности геологической экспедиции стала конкретность в определении возраста палеонтологических находок путем использования метода стратификации, выявление десятка основных разрезов, которое было использовано в создании масштабной геологической карты Монголии. В рамках экспедиции выросла целая плеяда национальных кадров, многие из которых защитили кандидатские и докторские диссертации.

Созданная в 1968 г. советско-монгольская (с 1992 г. – российско-монгольская) научная палеонтологическая экспедиция исследует древнюю экосистему территории Монголии, где обитали динозавры и другие животные. На основе глубокого анализа раскрыты закономерности развития древней фауны и флоры, результаты и отчетные материалы которых отражены в 50 научных коллективных изданиях, ряд научных статей опубликованы за рубежом в признанных научных журналах, в более 20 странах мира организованы

выставки с палеонтологическими экспонатами. За последние 10 лет монгольские и российские палеонтологи выполнили более 10 совместных научных проектов. Надо отметить, что к российским специалистам в последние годы примкнули палеонтологи из других стран: Германии, США, Республики Корея и др., использующие в исследованиях более развитую научную инфраструктуру. Открытия современной палеонтологии Монголии признаны мировой научной общественностью, отмечены в статьях международных журналов.

Развитие астрономии и геофизики с 1956 г. в Монголии тесно связано с поддержкой и сотрудничеством с советскими и российскими коллегами. За период 1950–2005 гг. в этой области подготовлено 15 монгольских специалистов, из 8 монгольских ученых, получивших ученую степень, половина защитили кандидатские диссертации в России. Под руководством российских ученых А. Н. Несмеянова, А. А. Михайлова, А. Я. Орлова, М. С. Зверева, Ю. Д. Буланже, Н. Н. Павлова изданы 10 монографий и другие научные работы. Среди них «Сейсмическое микрорайонирование города Улан-Батора» (1971), «Сейсмическое микрорайонирование аймачных центров», «Землетрясения и основы сейсмического районирования Монголии» (1985), которые актуальны по сей день и учитываются в нормативных рекомендациях строительных работ Монголии. За последние 10 лет астрономы и геофизики двух стран осуществили более 10 совместных научных грантов. Совместный грант, один из которых был выполнен в 2011–2012 гг., направлен на углубленное изучение причин землетрясений на территории Монголии, в особенности горных поверхностей Монгольского Алтая и Монголо-Сибирской зоны с уточнением глубинной структуры путем использования магнитудных изменений, в результате чего накоплены новые данные в познании причин этого явления. В 2013–2014 гг. совместные исследования концентрировались на вопросах наблюдения и изучения быстро переходящих астрономических явлений, распространения особо опасных тел природного и технического происхождения, изучения гаммы

радиационных волн, выявления новых энергетических источников, влияющих на изменения климата в космосе и магнитудное поле земли, что способствовало приобретению новых информационных баз в познании динамики изменений климата в современную эпоху потепления. В 2016–2017 гг. осуществлен совместный научный грант о возникновении опасных расколов в период внезапных наводнений в районе Улан-Батора и Прибайкальской зоны путем измерения радона газовыми параметрами, что имело большое практическое значение в распознавании реальных причин этого явления, предотвращения природных бедствий, накопления знаний об их последствиях у граждан двух стран.

Двустороннее научное сотрудничество в области естественных наук сыграло важную роль в становлении и развитии научных дисциплин в Монголии, подготовке национальных кадров, повышении их знаний и квалификации. В ходе успешной деятельности совместных экспедиций накоплены новые научные знания, выпущена научная продукция в форме атласов, карт, коллективных отчетов, монографий, сборников научных статей, найдены новые находки, открыты полезные ископаемые. В результате тесного сотрудничества монгольскими исследователями освоена методика и технология применения их на практике. Все это послужило фундаментом для формирования национального научно-технического потенциала в Монголии. На торжественной сессии по случаю 60-летия президент Монгольской академии наук академик Д. Рэгдэл особо отметил успехи монгольских исследователей в области археологии, палеонтологии, медицины, сельскохозяйственных наук, которые «близки и конкурентоспособны к международным научным стандартам» [[https // www.news.mn](https://www.news.mn)].

Двустороннее научное сотрудничество в области общественных наук

Сотрудничество в области общественных наук является важнейшей составной частью всего комплекса двустороннего научного взаимодействия. В 1980 г. была создана специальная межакадемическая

комиссия по сотрудничеству в области общественных наук, призванная координировать и направлять совместные усилия в области истории, филологии, экономики, философии, социологии, права и др. Структурно она входила в подкомиссию в состав «большой» комиссии МАН и РАН по научному сотрудничеству и до 2001 г. работала на основе пятилетних проблемно-тематических планов, составленных на базе рабочих планов сотрудничества, согласованных и подписанных между соответствующими однопрофильными академическими институтами двух стран. С начала 90-х гг. научное взаимодействие в области общественных наук наполняется новым содержанием, улучшается качество исследований, тематика становится разнообразной, в научный оборот вводятся малоразработанные ранее темы, внедряется метод объективного анализа исторических и социальных явлений, отмечается отказ от «идеологизированного» подхода. Институт истории и этнографии МАН, ведущее научное учреждение страны, в период с 2002 по 2015 г. функционировал как Институт истории и археологии. Историко-культурная экспедиция, функционировавшая в прошлом столетии, в 1969 г. реформировалась в совместную археологическую экспедицию. Она внесла важный вклад в распознавание древнейшей истории Монголии путем раскрытия археологических находок времен палеолита, мезолита и неолита, медной и начальной стадии железной эры. В 2002–2015 гг. Институт археологии провел более 200 полевых исследовательских работ, среди которых монголо-российская совместная экспедиция с участием коллег из США, Франции, ФРГ проделала немаловажную часть путем выполнения совместных научных грантов при поддержке РГНФ и НТФонда Монголии. В 1995 г. в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН выполнен грант на тему «Монгольский палеолит», в 2006 г. – «Изучение археологических памятников скифского периода Монгольского Алтая», «Археологическое изучение гробницы в районе Ноин-уул в северной части Монголии», в которых российские археологи играли ведущую роль, использовалась новая методика и лабораторная технология, что позитивно сказалось на результатах проведенных

исследований. Изучение гробницы в Ноин-ууле было продолжено в 2012–2013 гг. В 2004 г. проведено археологическое исследование гробницы, находившейся в вечной мерзлоте. Данный памятник восходит к древней культуре Пазырык и относится к периоду VI–II в. до н.э. В данном совместном монголо-российском исследовании участвовали также археологи Франции и ФРГ. В 2006 г. совместная монголо-российско-немецкая археологическая экспедиция обнаружила в районе реки Олон-гур на территории сомона Улан-хус Баян-Ульгийского аймака богатейшие материальные вещи 10-й гробницы, а также мумию человека. Эти открытия вошли в десятку мировых археологических открытий. В 2002 г. вышла в свет обобщающая коллективная монография «Монгольская археология», где были объединены информация и данные всех археологических раскопок и научных экспедиций, проведенных за последнее столетие на территории Монголии. Сегодня монгольские археологи наравне с российскими коллегами тесно сотрудничают с археологами из США, Франции, ФРГ, Республики Корея, Турции, Италии, Швейцарии, Монако, Казахстана. Ныне совместные монголо-российские экспедиции по биологии, палеонтологии и археологии успешно ведут научные работы широкого профиля с использованием современной технологии и лабораторных анализов, что позитивно влияет на результаты научных разработок и достижений, вносят на обозрение научных академических кругов новые находки, открытия и экспонаты, обогащающие мировую сокровищницу знаний.

За последние 20 лет один из старейших гуманитарных учреждений Институт истории и этнографии МАН активно поддерживает контакты с российскими научными организациями, успешно осуществляя многочисленные совместные исследования и гранты. В 2015 г. был подписан меморандум о сотрудничестве между МАН и Российским историческим обществом, который дал толчок развитию сотрудничества между монгольскими и российскими историками. В 2004–2007 гг. Институт истории и этнографии МАН совместно с Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии (далее ИМБТ) СО РАН выполнил совместный

грант «Монголия от кочевничества к современному государству», с Тувинским Институтом гуманитарных и прикладных исследований – «Изучение и достояние архивных документов». В 2007–2010 гг. совместно с ИМБТ СО РАН осуществлен научный проект «Роль и участие России в развитии транспортной системы в Юго-Восточной Азии», результаты которых отражены в сборнике научных статей «Императивы России в развитии транспортной системы в Восточную Азию». Выпущен двухтомный сборник документов: «Монгольская железная дорога (1937–1957)» (УБ., 2008), «Улан-Баторская железная дорога (начало XX в. – 1957 г.). Документы и материалы» (Улан-Удэ, 2010). Данный проект позволил накопить базу данных, касающуюся вопросов экономической истории XX в., внес определенный вклад в изучение политических и экономических взаимоотношений между Монголией и Россией. В 2009–2010 гг. с ИМБТ СО РАН выполнен совместный грант «От Халхин-гола до линкора «Миссури», в результате которого опубликован исторический фотоальбом «Халхин-гол – 1939», где освещены малоизученные вопросы военно-политического сотрудничества двух стран в период 1930–1940-х гг. В 2009–2010 гг. ученые Института истории и археологии МАН вместе с коллегами из Историко-археологического Института Уральского отделения РАН выполнили научный грант «Монгольская империя в российско-монгольской историографии», в ходе которого была издана трехтомная коллективная монография. Совместные исследования позволили монгольским историкам ближе узнать современные подходы российских специалистов в изучении данной проблемы, внедрить в научный оборот новые исторические документы и материалы. В 2012–2014 гг. Институт востоковедения РАН (ИВ РАН), Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (ныне КалмНИЦ РАН) и Институт истории и археологии МАН осуществили научный проект «Сравнительно-сопоставительное изучение буддийской традиции в Калмыкии и Западной Монголии: устные и письменные традиции», по результатам которого опубликована коллективная монография «Буддийская традиция в Калмыкии и Западной

Монголии: сакральные объекты» (М., 2015). В 2014–2015 гг. был реализован также научный проект «Изменения, произошедшие в евразийских нациях, культуре и политическом процессе в ходе создания и упадка монгольской империи», что стало прорывом в историографии проблемы монгольской империи, заложило основу для комплексного изучения вопросов интеграции евразийских наций. Также выполнен совместный научный грант «Культурно-этнические взаимосвязи Саяно-Алтая и Западной Монголии», в результате опубликованы две монографии: «Тувинцы Монгольского государства» и «Монгольская юрта». В 2016 г. сотрудниками Калмыцкого научного центра РАН издана коллективная монография «Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков» (Элиста, 2016). По заказу Минобрнауки и культуры Монголии совместно с ИМБТ СО РАН осуществляется совместный исследовательский проект «История и культура монголов в период ханства Энх-Амгалан». Как видно из вышеприведенного, в сотрудничестве Института истории и этнографии МАН с российскими коллегами весьма широк диапазон в выборе исследований, хорошо учитывается их актуальность и новизна, результаты исследований характеризуют новые базы данных и тщательный анализ. В 2011 г. МАН при содействии Главного Архивного Управления Монголии и Федерального Архивного Агентства РФ выпущен первый том сборника архивных материалов «Монголо-российские научные и культурные связи (1921–1960)» (УБ., 2011).

Институт филологии МАН накопил немалый опыт сотрудничества с международными научными учреждениями, в первую очередь с советскими, российскими однопрофильными институтами. В 1970 г. Институт был удостоен награды ЮНЕСКО за большой вклад в преодолении неграмотности населения в Монголии. Начиная с 1920–1930-х гг., филологический отдел Ученого комитета установил научные связи с монголоведами СССР, Франции, Германии, которые впоследствии расширились контактами с основными центрами монголоведения за рубежом. Ныне Институт филологии тесно

сотрудничает с институтами и университетами, научными центрами РФ, КНР, Японии, Республики Корея, Венгрии и др. Что касается совместных проектов с Россией, с 2011 г. начал издаваться 4-х томный Большой академический русско-монгольский словарь с привлечением специалистов из Республики Тыва, Калмыкии и Бурятии. Новизна словаря состоит в том, что использованные в нем примеры цитируются из произведений писателей русской классической литературы, сопровождаются добротным переводом на монгольский язык и собраны в единую картотеку. В 2001 г. совместно с Институтом гуманитарных и прикладных исследований при правительстве Республики Тыва и Национальным издательством Пекина (КНР) было успешно выполнено исследование «Специфическое изучение диалекта словарного запаса монголоязычных народов и их источники», в результате чего опубликована коллективная монография на данному исследованию. В 2014–2016 гг. реализован научный грант «Монастыри Северной Монголии в письменно-культурных источниках (XVII – начало XX века)», в ходе которого опубликовано шесть научных статей. Также осуществлен совместный грант по изучению общности тюркско-монгольского словарного запаса, по результатам которого в ФРГ издана монография «Историческая связь калмыцкого языка с языком ойратов Монголии».

Институт международных исследований (ИМИ) МАН, созданный в 1968 г. как сектор изучения стран Азии и Африки при Президиуме МАН, перепрофилировался впоследствии на изучение страноведения и международных исследований, с 1999 г. носит название Институт международных исследований АН Монголии. В структуре данного Института в 2000 г. был создан Сектор руссиеведения как самостоятельное направление. Изучение проблем внутренней и внешней политики РФ приобрело новое содержание, расширилась тематика исследований, тем самым руссиеведение в Монголии вышло на качественно новый уровень. Деятельность данного Института определяет успешное научное взаимодействие с российскими монголоведами из Москвы, Иркутска, Улан-Удэ и других научных центров путем совместного осуществления научно-исследовательских проектов и грантов. Так,

например, с коллегами из ИВ РАН успешно выполнены ряд научных грантов, результаты которых отражены в солидных коллективных изданиях: «Россия и Монголия: новый взгляд на взаимоотношения в XX веке» (М., 2001); «Монголо-российские отношения. Документы (1991–2004)» (УБ, 2004); «Россия и Монголия на пути к стратегическому партнерству (1990–2005)» (М., 2011), где по новому анализируются монголо-российские взаимоотношения до нынешнего периода установления стратегического партнерства, раскрываются ранее недоступные темы, комментируются новые аспекты двусторонних отношений. В ближайшее время выйдет в свет первая академическая «Энциклопедия российско-монгольских отношений», охватывающая период с начала XVII в. до начала XXI в., в создании которого также приняли участие ведущие российские ученые из ИМИ МАН. Материалы, вошедшие в энциклопедию, отражают особенности российско-монгольских отношений в разные периоды истории в зависимости от политических и социально-экономических реалий, существовавших на территории России и Монголии, и их международного статуса. Данная энциклопедия, безусловно, вызовет научно-познавательный интерес историков, политиков, преподавателей, студентов и всех заинтересованных читателей. Сотрудники Сектора русистики с участием российских коллег по теме регионального сотрудничества выпустили такие совместные труды как «Монголо-российские отношения: региональная политика развития, сотрудничество» (УБ., 2005), «Региональная политика РФ и монголо-российские отношения на рубеже XX–XXI в.» (УБ., 2006), «Сотрудничество между субъектами РФ и Монголии» (УБ., 2007). В результате совместного научного гранта МАН с Байкальским государственным университетом экономики и права издана коллективная работа «Российско-монгольские взаимоотношения на рубеже XX–XXI веков. Экономика. Дипломатия. Культура» (Иркутск, 2013). В последнее время совместно с российскими монголоведами из ИМБТ СО РАН осуществлен научный грант «Монголия в условиях взаимодействия в Восточной Азии», в 2019–2021 гг. с российскими коллегами из Бурятского государственного университета выполняется научный проект «Политика «мягкой силы» в монголо-российских отношениях».

В 2021 г. по случаю 100-летия установления дипломатических отношений между РФ и Монголией российские ИМИ МАН подготовили две книги: «Хронологическое резюме монголо-российских взаимоотношений (1911–2021)» (УБ., 2021) и второй том сборника документов «Монголо-российские отношения. Документы (2005–2020)» (УБ., 2021), тем самым широкой общественности стали доступны основные документы, относящиеся к монголо-российским отношениям за последние 30 лет – с 1990 по 2020 гг.

Институт философии МАН весьма активно сотрудничает с институтами и научными учреждениями РАН. В 2010–2011 гг. ИФ МАН совместно с Институтом философии и права СО РАН выполнил два совместных гранта «Монгольский мир между Востоком и Западом» и «Монгольские нации между Востоком и Западом». В 2011–2013 гг. с Институтом социологии РАН – «Изменения в социальной структуре и социальной идентичности РФ и Монголии в переходный период», в 2014–2015 гг. – «Пути и механизмы взаимопроникновения монгольской и русской цивилизаций», в ходе их реализации была организована международная научная конференция, издан сборник материалов. Данный проект имел большое познавательное значение, поскольку впервые с использованием опыта двух государств было проведено сравнительное изучение проблемы социальной трансформации, выявлены общие черты и особенности этого процесса, тем самым накоплены новые знания, заложены основы для взаимного использования опыта и уроков в преодолении вызовов. В 2015–2016 гг. совместно с БГУ было проведено научное исследование «Постсоветское общество и буддийская сангха: социорелигиозные процессы в России и Монголии», в ходе которого издана коллективная монография «Буддизм и социорелигиозные процессы в России и Монголии». В 2015–2017 гг. с БГУ был осуществлен следующий научный грант «Политическая активность и участие молодежи России и Монголии: сравнительный анализ», итогом которого явилась коллективная монография «Политическая активность и участие молодежи России и Монголии: нынешнее состояние и тенденции». Исследование вопроса политической активности у молодежи

двух стран весьма актуально в определении их роли в формировании гражданского общества, способствует накоплению базы данных для дальнейшего углубленного изучения. В 2017–2019 гг. совместно с Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН осуществляется научный грант «Сравнительная характеристика социально-экономического положения лиц старшего возраста и демографическая структура населения Республики Калмыкия и Монголии». В те же годы с российскими коллегами из ИМБТ СО РАН выполнялось совместное научное исследование на тему «Миряне и ламы: буддийские идеи и практики в трансформирующихся обществах России и Монголии».

Обобщая двустороннее сотрудничество монгольских и российских исследователей в области общественных наук, надо отметить увеличение количества и повышение качества осуществляемых совместных научных проектов, отход от стереотипов былого идеологизированного подхода и применение новой социальной парадигмы – метода всестороннего и объективного анализа социально-политических и общественно-экономических явлений. Следует особо отметить, что организация научно-практических конференций, семинаров, круглых столов в ходе координации и осуществления совместных грантов способствуют живому общению исследователей, взаимному приобретению друг у друга новых знаний и информации, опыта и навыков исследовательской работы.

Выводы и предложения

1. Монголо-российское научное взаимодействие за период 1991–2018 гг. развивалось поступательно, обогащаясь новым содержанием и новым механизмом сотрудничества как совместное выполнение научно-исследовательских проектов и грантов при поддержке РФФИ и РГНФ, и НТФ Монголии. Начиная с новой фазы монголо-российских взаимоотношений, с установлением договорно-правовой основы путем заключения соглашений между Академиями наук Монголии и РФ, начался позитивный сдвиг в восстановлении

и развитии двусторонних научных контактов между академическими институтами с использованием новых подходов в организации совместной научной деятельности.

2. Увеличение количества и качества совместных научно-исследовательских проектов свидетельствует о нарастающей тенденции во взаимодействии академических институтов Монголии и России, которая в перспективе будет совершенствоваться и углубляться, и окажет позитивное влияние на результаты научной продукции, способной служить на благо социально-экономического прогресса двух государств.
3. Монголо-российское научно-техническое взаимодействие является важной гуманитарной составляющей всеобъемлющего стратегического партнерства двух государств, вносит определенный вклад в дело развития всестороннего развития, укрепления и наращивания дружественных отношений между народами Монголии и России.
4. Развитие НТС двух стран в области естественных наук идет нарастающими темпами, поскольку число осуществляющихся научных проектов и грантов в этой области превалирует среди общего числа выполняемых совместных работ. Возрождается былая масштабность, научный и организационный уровень, результативность совместных научных экспедиций по биологии, палеонтологии, археологии и др. Новые находки и открытия в монгольской археологии и палеонтологии входят в число лучших мировых открытий.
5. Развитие НТС двух стран в области общественных наук обогатилось новым содержанием: расширяется тематика исследований, акцентируется разработка малоосвещенных ранее вопросов, в исследовании практикуется объективный анализ и прагматичный подход, начинает внедряться сравнительный анализ в изучении трансформационных процессов двух стран, улучшается качество выпускаемых совместных коллективных изданий и монографий.

Каковы же тенденции будущего научно-технического сотрудничества между Монголией и РФ?

Улучшение рациональности и практической отдачи выполняемых совместных исследований, чтобы их результаты широко применялись в производстве и экономике, давали толчок социально-экономическому прогрессу двух стран

Поиск новых трендов научного познания в современную эпоху информационного взрыва, внедрение новых технологий и оборудования в деле разработки научных работ, подготовка научнообоснованных рекомендаций, внедрение патентов и инноваций в производственную практику

В заключении хочу сослаться на высказывание Президента РАН акад. А. М. Сергеева, который посетил Монголию осенью 2019 г. по приглашению Президента МАН Д. Рэгдэла и принял участие в мероприятиях, приуроченных к 50-летию создания совместных монголо-российских научных экспедиций. Отмечая необходимость поиска новых форм двустороннего научно-технического сотрудничества, повышения практической результативности совместных исследований, он подчеркнул необходимость развивать и углублять сотрудничество в новых областях, как, например, палеогенетика, ядерная энергетика и др.

Надеюсь, что реализация концепции всеобъемлющего стратегического партнерства, активизация сотрудничества между Монголией и Россией, рост экономики двух стран создаст более благоприятные условия для эффективного развития научно-технического сотрудничества.

Литература

Алтай Д. Хөршийн харилцаа, Орос-Европ судлал (Өгүүлэл, илтгэл, ярилцлага). УБ: Монгол Улсын ШУА, ОУХХүрээлэн, 2020. 344 х.

Новые подходы к истории взаимоотношений России и Монголии и их современное состояние. Материалы международного круглого стола. Улан-Батор: Бемби сан, 2008. 140 с.

Мандухай Х. Монгол – Оросын харилцаа (1990–2012 он). Улаанбаатар: ШУА, Олон улс судлалын хүрээлэн, 2014. 80 х.

Нямдолжин А. Монголо-российские отношения на современном этапе (1990–2004). УБ: Санкт-Петербургский Университет, 2016. 143 с.

XX зууны Монгол: боловсрол, соёл, шинжлэх ухааны хөгжлийн түүх. УБ: ШУА Түүх, угсаатны зүйн хүрээлэн, 2020. 412 х.

Монгол Улсын Шинжлэх Ухаан Технологийн Сангийн цахим мэдээллийн сан, захиалгат түүврийн эх сурвалж

Монгол Улсын ШУА-ийн гадаад хамтын ажиллагааны хэлтсийн албаны эх сурвалж

Монгол Улсын ШУА-ийн Ерөнхийлөгч Д. Рэгдэл: «Бид хоёр дахь зуун жилээ гэгээлгээр харж байна»// Ярилцлага. «Зууны мэдээ» (сонин). 2021.11.22.

Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академи. Судар бичгийн хүрээлэнгийн 90, ШУА байгуулагдсаны 50 жилийн ойд зориулав / Ер. ред. акад. Б. Энхтүвшин. УБ, 2011. 424 х.

Олон улсын харилцааны хүрээлэн хагас зууны түүхэн товчоон (1968–2018). УБ: Монгол Улсын ШУА, ОУХХ. 2018. 320 х.

Современные российско-монгольские отношения: модели и сценарии. Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2013. 247 с.

Шинжлэх ухаан, технологи, инновацийн бодлого, эрх зүй, статистикийн мэдээлэл. БСШУС Яам, Шинжлэх ухааны ажилтны улсын анхдугаар их хурал. УБ, 2019.09.26–27-ны өдөр, 25 хууд.

Энхтүвшин Б. Боловсрол, шинжлэх ухааны салбар дахь Монгол, Оросын хамтын ажиллагаа // Монгол, Оросын харилцааны түүхийн асуудалд. МУ-ын ШУА, ОХУ-ын Эрхүү хотын Байгалийн Улсын Их Сургууль. УБ, 2016. 184–193 дахь талд.

Энхтүвшин Б. Сотрудничество между Монголией и Россией в области образования и науки // Материалы международной научной конференции, посвященной 95-летию установления дипломатических связей между Россией и Монголией. Иркутск, 2016. С. 15–23.

Яскина Г. С. Россия и Монголия: новый этап взаимоотношений (1990-е годы – начало первого десятилетия XXI века) // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М: ИВ РАН, Институт международных исследований АН Монголии, 2001. С. 201–219.

Интернет-ресурсы

Монгол Улсын Үндсэн хууль. 1992. URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/367> (дата обращения 19.11. 2021).

URL: <https://www.news.mn> (дата обращения 19.11. 2021).

«Монгольский мир» в монголо-российских отношениях

Дэмбэрэл Коля

Институт международных исследований МАН

Аннотация: В статье автор дал свое определение понятия «монгольский мир», которое до сих пор трактуется по-разному. Актуальность определения данного термина обусловлена, прежде всего, тем, что фактор «монгольского мира» становится важным инструментом в монголо-российских отношениях. Именно поэтому необходимо изучить и понять факторы, которые рассмотрены в статье. Эти факторы могут стать механизмом расширения двустороннего сотрудничества, в том числе и в сфере культурных связей. В качестве объекта исследования выступают субъекты «монгольского мира» в составе Советского Союза/Российской Федерации. Цель статьи — проанализировать содержание понятия «монгольский мир» и его роль в монголо-российских отношениях. Автор пришел к выводу, что фактор «монгольского мира» сыграл свою роль в советский период во взаимоотношениях наших стран. В постсоветский период фактор «монгольского мира» расширяет свое влияние на монголо-российские отношения.

Ключевые слова: монголо-советские/российские отношения, буряты, калмыки, монголы, «монгольский мир», XX век.

Factors of influence of the «Mongolian world» on the mongolian-soviet relations

Demberel Kolya

*Institute of International Relations of the Mongolian
Academy of Sciences, Coordinator of the Center for Central
Asian Studies at the IMO, Ulaanbaatar, Mongolia*

Abstract: The article is devoted to the analysis of the Mongolian-Russian relations in the XX century. In particular, it defines the concept of «Mongolian world», which until recently was interpreted differently, and which is an important tool in bilateral relations. The need to analyze and understand the five factors outlined in the article can become a mechanism for expanding

bilateral cooperation, including in the field of cultural relations, and what is the natural focus of our countries attention. The subjects of the «Mongolian world» of the Russian Federation are the object of research. The purpose of the study is to analyze the concept of «Mongolian world» and its role in the Mongolian-Russian relations. Methods. General scientific empirical and theoretical research methods were used. The application of a comparative-functional, systematic approach, modeling and logical method helps to identify the essential and meaningful elements of the cooperation framework of the Mongolian world. Conclusions. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the factors of the Mongolian world played a certain role in different periods of the two countries. The article suggests that the factor of «Mongolian world» in the Mongolian-Russian relations is constantly expanding.

Key words: Mongolian-Soviet/ Russian relations, Buryats, Kalmyks, Altaians, Tuvans, Mongols, «Mongolian world», XX century.

Кто такие монголоязычные народы?

В толковом словаре монгольского языка термин «монгол туургатан» («монголоязычные народы») определяется как «вся монгольская нация», поэтому здесь целесообразно внести некоторые уточнения. Монголоязычные народы (монг. *монгол туургатан*) — это все монгольские народы, расселившиеся за пределами границ государства Монголия и относящиеся к монгольской группе по языковому, культурному признакам. В монгольском языке слово «туурга» означает одну из составляющих деталей монгольской юрты, войлочное покрытие стенки юрты, но оно также параллельно несет в себе смысл независимости, разделенности в связи с чем раздельное проживание монголы называют: «с отдельными войлочными покрывалами стенок юрт». В результате распада Великой Монгольской империи монголы были рассеяны по всему миру, что стало предпосылкой появления в разных регионах монголоязычных народов. Вообще взлеты и падения любой империи, формирование и крах любой системы, установление и разрушение идеологии и порядка являются предпосылками разделения любой нации.

Монголоязычные народы во многих субъектах КНР и РФ, а также проживающие в других частях мира монгольские этнические группы не имеют статуса независимых субъектов в территориально-

административном отношении, а являются диаспорой или национальными меньшинствами.

До сих пор исследователи не установили единый, точный русский эквивалент монгольского понятия «монгол туургатан» («монголоязычные народы»). И хотя наиболее подходящим по смысловому значению является понятие «Монгольский мир», на русский язык этот термин обычно переводится «PAX MONGOLICA». Но Пакс монголика – это название пика развития Монгольской империи в XIII–XIV вв. и установленного в то время мирового порядка. Поэтому неверно отождествлять «pax mongolica» с «монгольским миром». Однако перевод «монгол туургатан» как «монгольский мир» вполне может быть оптимальным вариантом.

Данная статья направлена на представление комплексного и целостного ответа на такие вопросы: «Кто такие монголоязычные народы в России? Какое влияние они оказали на историю монголо-советских/российских отношений за 100 лет? Каковы факторы этого влияния?». До сегодняшнего дня субъекты монголоязычных народов не идентифицируются с монголами, и их называют по-разному. Поэтому ответственность за устранение различий между понятиями и их терминами лежит на исследователях, ибо это может повлиять на характер и содержание любой исследовательской работы и привести к появлению ошибочных выводов.

Исследователи в своих публикациях продолжают по-разному называть это понятие: субъекты с монгольским названием [ОХУ, БНХАУ: 2009; 2010: 73], страны монгольского происхождения [Орос дахь монгол угсааны улсууд 1994], монголоязычные народы [Ганжуров 1997: 14], приграничные регионы [Монгол-Оросын харилцаа. Баримт бичгүүд 2020: 199]. И хотя академик Б. Лхамсурэн [Монгол-Оросын харилцаа 2005: 8] первым ввел в оборот термин «монголоязычные народы», однако не назвал каждый субъект в отдельности, а оставил его обобщенным. Поэтому целесообразно их упорядочить и перечислить субъекты России с монголоязычными народами. Из 22 национальностей Российской Федерации со статусом Республик и четырех национальностей

со статусом автономных округов монголоязычные народы проживают в следующих субъектах: Республика Бурятия, Республика Калмыкия, Агинский Бурятский автономный округ (до 2008 г.), Усть-Ордынский автономный округ (до 2006 г.). Эти народы в определенной степени сохраняют свою религию, культуру, этническую, языковую и культурную общность, что будет проиллюстрировано на примере монголоязычных народов, проживающих в России, а также их влияние на монголо-советские отношения на примере пяти факторов: религиозного, этнического, лингвистического, культурного, территориального.

Период расширения и развития отношений между монголоязычными народами России и Монголией напрямую был связан с обретением Внешней Монголией независимости в 1911 г., и началом послужило заключение монголо-российского соглашения 1912 г. Правовые вопросы субъектов с наличием монголоязычных народов регулировались в рамках национальной политики Советской власти.

С 1921 г., когда влияние Советского Союза на Монголию стало реальным, Факторы влияния монголоязычных народов и их роль в позитивных и негативных событиях, имевших место в 100-летней истории монголо-советских/российских отношений, следует рассматривать как проявление двусторонних отношений.

Факторы влияния субъектов РФ с наличием монголоязычных народов на монголо-российские отношения в 1921–1990-х гг.

Религиозный фактор. Рассмотрим в общих чертах, как пять факторов повлияли на монголо-российско/советские отношения в 1921–1990-х гг. Из-за доминирования атеизма в МНР и Советском Союзе в то время религиозный и культурный факторы монголоязычных народов не могли быть активными в двусторонних отношениях, тем не менее, продолжало сохраняться убеждение, что у нас одна общая религия. В 1946 г. было создано Центральное Духовное управление буддистов СССР, что и стало официальным

признанием существования буддизма в стране, Иволгинский и Агинский монастыри тогда функционировали на официальной основе. В Калмыкии буддизм был объявлен государственной религией в 1990-х гг.

Культурный фактор. В 1944 г. в МНР монгольская письменность была переведена на кириллицу, как и в субъектах СССР с монголоязычными народами, поэтому отсутствовал культурный фактор. Вопрос общения между монголоязычными народами посредством монгольской письменности был оставлен без внимания.

Территориальный фактор и фактор происхождения оказали значительное влияние на монголо-советские отношения в этот период и сыграли важную роль в двусторонних отношениях. Республики Алтай, Бурятия и Тыва непосредственно граничат с Монгольской Народной Республикой, что можно рассматривать как территориальный фактор. Алтайский город Бийск и Кяхта Республики Бурятия были главными приграничными пунктами монголо-советских/российских торгово-экономических отношений. С XVII в. Чуйский тракт является одним из основных каналов двусторонних отношений [Орос дахь монгол угсааны улсууд 1994: 125], и историческую роль «врат» в отношениях между ойрат-монголами и царской Россией сыграла Республика Алтай (с 1992 г. – Республика Горный Алтай). В истории засвидетельствовано, что во времена Джунгарского ханства ойратские караваны с кожей, шкурами, шерстью, изделиями из шерсти, золота и серебра проходили через «эти врата» и продавали привезенный товар в сибирских городах, а там закупались металлические изделия, меховые и суконные изделия, оружие, писчая бумага [Республика Алтай 1992: 8]. Российско-тувинские отношения начались с Буринского договора 1727 г., когда русские начали осуществлять беспощинную торговлю и рыболовство в Туве, с 1840-х гг. еще более расширились рамки взаимодействия за счет добычи золота. Купцы из Минусинской, Иркутской и Енисейской губерний приезжали в Туву для продажи товаров широкого потребления взамен

на приобретение мехов, шерсти, кашемира, скота. В 1881 г. русские подписали в Пекине договор о беспопыточной добыче золота в Туве. В начале XX в. русские поселения стали расширяться, а численность постоянно проживающих русских увеличивалась.

Самым активным субъектом-участником в монголо-советских отношениях была Бурятская АССР (ныне Республика Бурятия). С заключения Буринского договора 1727 г. буряты были вовлечены в двусторонние отношения. Ж. Цэвээн (Ц. Жамцарано) работал переводчиком в период заключения монголо-российского соглашения 1912 г., прогрессивные бурятские интеллектуалы сыграли важную роль в народной революции 1921 г. В целом можно сказать, что бурятская интеллигенция сыграла большую роль в новой жизни монгольского народа.

Труды А. Бурдукова свидетельствуют о том, что в XIX в. купцы из Алтайского края, Омска и Томска приезжали в Западную Монголию для занятия торговлей. В советское время Бийск стал главной базой товарного снабжения Западной Монголии, а транспортная база «Совавтобийск» отвечала за транспортировку товаров на протяжении более 40 лет. Кяхта была основным центром в торгово-экономических отношениях Центральной Монголии. Воздушная трасса по маршруту Улан-Батор – Улан-Удэ была открыта в 1925 г., впоследствии была закрыта и вновь восстановлена после 2000-х гг. За 10 лет более 400 монголов окончили Монголрабфак в Улан-Удэ, что стало важным вкладом в развитие Монголии и сыграло большую роль в обучении монгольской интеллигенции. Сдача в эксплуатацию железной дороги Наушки – Улан-Батор в ноябре 1949 г. стало важным шагом в продвижении двусторонних отношений. Отношения и сотрудничество с Бурятией резко укрепились и расширились с 1960-х гг., что было связано с деятельностью крупных промышленных предприятий в дополнение к транспортной инфраструктуре.

В программу государственных и официальных визитов руководителей МНР в СССР всегда включались посещения ими субъектов с монголызычными народами как народов с единым

происхождением, языковой и культурной общностью. В 1932 г. делегация Монгольской Народной Республики впервые приехала на празднование 10-летия Ойротской автономной области (ныне Республика Алтай). Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Ж. Самбуу посетил Бурятию в 1960-е гг., премьер-министр МНР Ю. Цэдэнбал – Республику Алтай в 1955 г. и Бурятию – в дни празднования 60-летия основания республики.

В результате сотрудничества приграничных субъектов, начавшееся в 1960-х гг., города Селенга, Булган, Хэнтий, Дорнод, Хубсугул, Дархан и Эрдэнэт начали развивать отношения и сотрудничество с Бурятией. После визита Л. И. Брежнева в Монголию в 1966 г. было положено начало расширения отношений Монголии с Калмыкией, Бурятией и Тувой [Орос дахь монгол угсааны улсууд 1994: 110] В состав делегации вошел первый секретарь Калмыцкого обкома КПСС Б. Б. Городовиков, что способствовало дальнейшему расширению калмыцко-монгольских отношений. В 1965 г. Горный Алтай установил прямые связи с аймаком Баян-Улгий.

Принятие в 1973 г. постановления Политбюро ЦК МНРП об установлении прямых связей и сотрудничества между аймаками МНР и автономными республиками, областями, краями и районами СССР позволило открыть возможности для расширения отношений между двумя странами, областями и краями [Вклад обществ дружбы в развитие прямых связей 1989: 82]. С 1973 г. были установлены прямые связи между Горным Алтаем и Убсунурским и Завханским аймаками, с 1974 г. Убурхангайский аймак наладил отношения напрямую с Калмыцкой АССР. Агинский автономный округ, входивший в состав Читинской области (ныне Забайкальский край), установил связи с аймаком Дорнод, Усть-Ордынский автономный округ (вошел в состав Иркутской области в 2008 г.) установил прямые связи с Архангайским аймаком.

Идеологическим фронтом монголо-советских отношений являлось Общество советско-монгольской дружбы (ОСМД), его правление продуктивно работало с субъектами, где проживают монголоязычные народы. Основанное в 1958 г. Бурятское отделение ОСМД

являлось активно действующей организацией. Сотрудничество между организациями дружбы Республики Алтай и МНР активно велось в 1980-е гг., что напрямую было связано с деятельностью председателя республиканского ОСМД Б. Алушкина.

Культурный фактор играл одну из ключевых ролей в монголо-советских отношениях. Так, в 1921–1922 гг. калмыки прибыли в Монголию для оказания конкретной помощи в строительстве новой жизни.

Фестиваль дружбы монгольской и советской молодежи 1966 г. в Манжероке Алтайского края стал символом двусторонних отношений. В области культуры успешно развивались литература, народное творчество и изобразительное искусство, сотрудничество в сфере образования и спорта также продуктивно развивалось.

В мае 1991 г. в Улан-Удэ по инициативе бурятских деятелей искусств прошел первый Международный театральный фестиваль монголоязычных народов, в котором приняли участие более 100 артистов из Бурятии, Калмыкии и Монголии.

Особенности взаимоотношений с субъектами монголоязычных народов

Каждый субъект, в которых проживали монголоязычные народы, сыграл особую роль в монголо-советских отношениях. Отношения с Республикой Алтай стали ослабевать из-за сокращения торгово-экономических связей через Бийск. Подписанное в 2002 г. соглашение о сотрудничестве на основе «Асгата» стало одним из первых договоров современного монголо-российского сотрудничества в горнорудной отрасли.

Одна из особенностей отношений с субъектами монголоязычных народов Российской Федерации состоит в том, что отношения Монголии с Республикой Бурятия всегда выходили на передний план. Это было подчеркнуто спикером Великого Государственного Хурала Монголии Н. Багабанди: «Поскольку мы идем по тому же курсу, что и нынешний путь реформы, способ его осуществления

один и тот же. Мостом сотрудничества между Монголией и Россией является Бурятия. Поэтому отношения с Россией невозможно представить без Бурятии» [Монгол-Оросын харилцаа 2005: 185].

До 1944 г. Тува была независимым государством, поэтому была негласной ареной конкуренции между Монголией и Россией. Монголо-тувинские отношения ослабли до 1960-х годов из-за вхождения Тувы в Советский Союз.

История Калмыкии уникальна в монголо-российских отношениях в связи с тем, что калмыки являются переселившимся народом на территорию России в отличие от бурят, алтайцев и тувинцев, проживающих на своей исконной земле. В отношении двух автономных округов можно сказать, что Иркутская и Читинская области были частью отношений Монголии с Россией.

100-летняя история монголо-советских отношений показывает, что монголоязычные народы, объединенные религией, языком и культурой [Единархова, Николаева 2009: 83], были близки друг другу. На монгольско-российское сотрудничество оказали влияние язык, культура, исторические традиции, обычаи, образ жизни и взаимопонимание монгольских народов [Батцэцэг 2007: 188].

Отношения между Монголией и монголоязычными народами России рассмотрены в рамках понятия «отношения приграничных регионов и субъектов» в монголо-российских отношениях [Олон улс судлал: 16.]. Фактически, в данном случае их можно сформулировать как «взаимоотношения между субъектами монголоязычных народов в рамках монголо-российских отношений». Исторические традиции, общие интересы проживающих вдоль линии монголо-российской границы народов, которые неразрывно связаны происхождением, языку, культуре и обычаям, по-прежнему являются важным фактором в стимулировании многогранного сотрудничества между нашими народами [Монгол-Оросын харилцаа 2005: 163]. В рамках монголо-российских отношений сотрудничество между монголоязычными народами в области культуры и искусства, науки, и образования получило новое содержание,

что является еще одной особенностью двусторонних отношений с 1990-х годов.

Увязка концепции регионального развития Монголии с инфраструктурными выходами к РФ станет большой поддержкой для перспектив развития отношений с приграничными субъектами монголоязычных народов.

Литература

Батцэцэг Ч. Монгол Улстай хил залгаа бүс нутаг. Улаанбаатар: Бемби сан, 2007. 191 х.

Вклад обществ дружбы в развитие прямых связей (МЗНН болон ЗМНН-ийн төлөөлөгчдийн хоёр талын уулзалтын материал). Улаанбаатар: Гос. изд-во, 1989. 132 с.

Ганжуров В. Ц. Россия и Монголия: история, проблемы, современность. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997. 181 с.

Единархова Н. Е., Николаева И. П. Колонизация Монголии (XVII – начало XX вв.). Иркутск: Восточно-Сибирская гос. академия образования, 2009. 121 с.

История Бурятии в вопросах и ответах. Вып. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 122 с.

Монгол улсын түүх. IV боть. Улаанбаатар: Бемби сан, 2004. 444 с.

Монгол-Оросын харилцаа баримт бичгүүд (1991–2004). Улаанбаатар: Бемби сан, 2006. 444 с.

Монгол-Оросын харилцаа: бүсчилсэн хөгжлийн бодлого, хамтын ажиллагаа. Улаанбаатар: Бемби сан, 2005. 216 с.

Монгол-Оросын харилцаа. Баримт бичгүүд. 2005–2020. Улаанбаатар: Битпресс, 2020. 440 с.

Новые подходы к истории взаимоотношений России и Монголии и их современное состояние. Улаанбаатар: Бемби сан, 2008. 140 с.

Олон улс судлал. 2002. № 2. 164 с.

Орос дахь монгол угсааны улсууд. Улаанбаатар: АН Монголии, 1994. 140 с.

Орос-Хятадын гэрээ, хэлэлцээрүүд (1689–1947). Улаанбаатар: Ауруг Паблишинг, 2017. 278 с.

ОХУ, БНХАУ: 2010- ОХУ, БНХАУ: 2009. Судалгааны уулзалт. Улаанбаатар: ТЭГ, 2010. 222 с.

Республика Алтай. 1992. Горно-Алтайск: Ак-Чечек. 80 с.

Саая С. В. Россия – Тува – Монголия: «Центрально-Азиатский треугольник» в 1921–1944 годах. Абакан: Тип. ООО Кооп. Журналист, 2003. 199 с.

Тувинская правда (газета). 1944 оны 11 сарын 2.

Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 233 с.

Роль Монгольского революционного союза молодежи в политике советской России и Коминтерна в Монголии (1921–1925)

Кушхов Борис Хабижевич

Институт востоковедения РАН

Аннотация: В статье комплексно анализируется роль Монгольского революционного союза молодежи. Непосредственно деятельность Союза молодежи подразделяется на два функциональных этапа. В ходе первого (1921–1923) МРСМ продвигал в стране светскую, демократическую и повестку, параллельно с этим занимаясь подготовкой молодых кадров. Во время второго этапа (1924–1925) МРСМ трансформируется уже во внутрипартийное лобби. Момент перехода между двумя этапами также выбран не случайно — именно на рубеже 1923–1924 гг. в стране происходят кардинальные изменения, которые были результатом стремления Советской России придать максимально выгодную для себя политико-социальную форму МНР. Также предпринимается попытка осмыслить так называемый феномен «самостоятельности» РСМ на начальных этапах его существования. Делается вывод о том, что как ее существование, так и утрата, были результатом адаптации МРСМ как инструмента советского влияния к разным этапам существования МНР. Задачи, которые вышли на передний план на рубеже 1923–1924 гг., требовали от МРСМ встроиться в партийную структуру (даже ценой утраты своей политической автономии от нее) и принимать активное участие в партийных процессах уже в качестве монолитной и революционной фракции. Основным научно-практическим посылом данного исследования является необходимость отхода от изучения советско-монгольских связей в первой половине XX в. исключительно через призму межпартийных контактов. Актуальность исследования объясняется наличием множества малоизученных аспектов в монголо-советских отношениях, недостаточная изученность которых зачастую становится ресурсом для недобросовестных и политизированных спекуляций.

Ключевые слова: МНР, РСФСР, революция, внутренняя политика, партия

The role of the Mongolian revolutionary youth union in the policy of Soviet Russia and the Comintern in Mongolia (1921–1925)

Boris Kh. Kushkhov

Institute of Oriental Studies of the RAS

Abstract: In this report, the role of such an organization as the Mongolian Revolutionary Youth Union in promoting Soviet interests within the MPR in the early stages of the republic's existence is subjected to a comprehensive analysis. Before starting to consider the measures taken by the MRSU as an agent of Soviet influence in Mongolia, the report outlines the very tasks that Soviet Russia set before the loyal forces in Mongolia at the initial stage of its existence as a *de facto* independent state. These included the creation of a state oriented toward the RSFSR (USSR), which embarked on the path to socialism through non-capitalist development, which must necessarily have been preceded by the formation of a broad national front in Mongolia and the final achievement of its *de facto* independence from China. Directly the activity of the Youth Union within the framework of this process is divided into two functional stages. During the first (1921–1923) MRSU, being an organization almost indispensable in its capabilities, promoted a secular, democratic and nationalist agenda in the country, while simultaneously training young, more pro-Soviet and pro-communist cadres. During the second stage (1923–1925), the MRSU transforms from a strong and independent organization into an internal party lobby, completing the «change of power elites» in the MPR and exposing politicians who took a course to move away from the «Soviet political fairway». The moment of transition between the two stages was also not chosen by chance – it was at the turn of 1923–1924 that cardinal changes took place in the country, which were the result of the desire of Soviet Russia to give the MPR the most beneficial political and social form for itself. The year 1923 drew a line under the popular character of the Revolution, and immediately after the completion of this stage, an obvious split in the «popular front» was already indicated, which marked the beginning of socialist transformations in the country. Also, the report attempts to comprehend the so-called phenomenon of «independence» of the RSM at the initial stages of its existence. It is concluded that both its existence and loss were the result of the adaptation of the Union as an instrument of Soviet influence to different stages of the existence of the MPR. Thus, until 1923, the front of the work of the RSM practically did not come into contact with that of the MNP, and the premature incorporation of the Union into the party vertical of power would put its young and revolutionary-minded members under the influence of more conservative forces from the party. In turn, the tasks that came to the fore at the turn of 1923–1924 required the RSM to integrate into the party structure (even at the cost of losing its political autonomy from it) and take an active part

in the party processes already as a monolithic and revolutionary faction. The main scientific and practical message of this study is the need to move away from the study of Soviet-Mongolian relations in the first half of the 20th century exclusively through the prism of inter-party contacts. The relevance of the study is explained by the presence of many little-studied aspects in Mongolian-Soviet relations, the lack of knowledge of which often becomes a resource for unscrupulous and politicized speculations.

Key words: MPR, Soviet Russia, domestic policy, party, revolution.

Прежде чем исследовать роль ревсомола в советской региональной политике, надо определить задачи, которые советское руководство ставило в Монголии перед местными проводниками своего политического курса. В целом, политика советского руководства в отношении МНР сводилась к созданию ориентированного на РСФСР (СССР) государства, вставшего на путь к социализму через некапиталистическое развитие. Однако для достижения желаемого образа монгольского государства необходимо было создать в стране широкий национальный фронт и де-факто добиться ее независимости от Китая.

В связи с этим деятельность ревсомола как проводника советского влияния в первой половине 1920-х гг. также делится на два этапа: 1) завершение борьбы за независимость МНР от Китая де-факто, ликвидация белогвардейского сопротивления и проведение массовой просветительской работы среди монгольского населения; 2) формирование Народной республики с руководящей ролью партии.

Рассмотрению вклада МРСМ в решение этих задач и посвящено данное исследование. Кроме того, ставится задача «концептуализировать» и раскрыть так называемый феномен «самостоятельности» МРСМ или его альтернативности МНРП. Ведь понимание роли союза в советской политике в отношении Монголии является ключом к верной интерпретации этого явления.

Первый этап: 1921–1923. Деятельность ревсомола как проводника советского влияния в Монголии на данном этапе делится на два периода: первый – решение непосредственных задач (или

решение краткосрочных вызовов); второй — подготовка к дальнейшим этапам реализации советского проекта развития Монголии (подготовка к долгосрочным вызовам).

В рамках первого этапа МРСМ служил ресурсом мобилизации относительно подготовленных бойцов для борьбы с белогвардейскими частями, а также средством распространения революционного влияния на местах. Военная подготовка, наряду с агитацией, была провозглашена обязанностью каждого члена ревсомола [Матвеева 1983: 33]. За каждой создаваемой ячейкой организации закреплялся военный инструктор [Матвеева 1983: 39]. Таким образом, МРСМ служил инструментом формирования кадровой базы народной армии, пополняя ее обученными основам военного дела выходцами из аратства, внося свой вклад в разгром враждебных народному правительству групп и формирований. Это было особенно ценной помощью потому, что у новой власти на рубеже 1921–1922 гг. практически не было рычагов влияния и каналов взаимодействия с худонским населением.

По этой же причине сложно переоценить важность ревсомола для ведения пропаганды на местах. Молодые люди, покинувшие монастыри, являлись самой мобильной категорией населения. Они были способны проводить влияние столицы и укрепившейся в ней народной власти в сельскую местность (худон), создавая ревсомольские ячейки, мотивируя население на борьбу с феодалами и внешними врагами [Чойбалсан 1961: 11]. Безусловно, на этом этапе сложно было назвать работу ревсомольцев с аратскими массами проработанным и масштабным мероприятием. Сам ревсомол к концу 1921 г. насчитывал не более полусотни человек [Ванданов 1931: 12], да и рассредоточение населения по обширной территории не способствовало высокому качеству агитационной работы. Помимо этого, функционирование самих ячеек вызывало большие вопросы и претензии со стороны представителей Коммунистического интернационала молодежи (КИМа) вплоть до 1930-х гг. [Ванданов 1931: 12]. Тем не менее, на данном этапе не существовало и не могло существовать другой организации, которая была бы способна реализовать

эту деятельность. Важно также помнить, что местные ячейки ревсомола привлекли к политической карьере таких видных деятелей как Пэлжидийн Гэндэн, Бадрах [Рощин 2008: 12, 44], Баваасан и Жадамба [Рощин 1999: 96], с участия в создании МРСМ начал свою партийную карьеру Хорлоогийн Чойбалсан [Чойбалсан 1961: 11].

В поле деятельности ревсомола попадал и «отрыв» молодежи от влияния религиозных институтов. Так, в уставе организации отмечалась важность привлечения в свои ряды молодых представителей ламства: при этом устанавливал для них с условием постепенного перехода в светское состояние [МХЗЭ-ийн анхдугаар их хурал 1982: 13].

В борьбе с долгосрочными вызовами Советская Россия и Коминтерн возлагали на ревсомол несколько другую функциональную обязанность – подготовить идейные и компетентные кадры для дальнейшего построения основ социализма в стране, т.е. для расширения советского влияния. Данная роль закладывалась в ревсомоле еще на заре его существования. Инициатива создания МРСМ принадлежала по большей части молодым людям, работавшим или учившимся в России и испытавшим большое влияние октябрьской революции [Рощин 1999: 96]. Получается, что с самого начала своего существования ревсомол был также и резервом ориентированных на СССР лидеров нового поколения. Крепкая связка с КИМ и ориентация на него в первом уставе [МХЗЭ-ийн анхдугаар их хурал 1982: 37], а также присутствие советских представителей на съездах МРСМ [МХЗЭ-ийн анхдугаар их хурал 1982: 9] – все это говорит о закреплённом за ревсомолом молодежи.

Таким образом, на первом этапе ревсомол действовал в интересах народной революции и продвигал светскую, демократическую повестку, способствующую решению задач краткосрочного периода, параллельно с этим закладывая основы дальнейшего развития Монголии по сценарию, ориентированному на СССР.

Второй этап: с 1924 года. Этот год стал переломным для МРСМ неслучайно. Именно в этом году была подведена черта под демократическим и народным этапом монгольской революции и начали

закладываться основы некапиталистического пути развития. Страна стала Народной Республикой и получила свою первую Конституцию [Златкин 1952: 190]. Партии суждено было превратиться из различного национального фронта в массовый, идейный и социально монолитный авангард предстоящих преобразований. Эта трансформация потребовала запустить процесс классовых чисток, вычленения правых уклонистов и их маргинализации [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 24. Л. 61–97], т.е. осуществить переход от старой политической элиты к новому поколению лидеров, которое никогда не было под влиянием первой. Основной задачей МРСМ становится кадровое и идейное пополнение сократившихся партийных рядов, которое помогло бы завершить процесс трансформации политической элиты страны, а также окончательно изолировать менее «солидаризированные» с Советским Союзом внутрипартийные фракции.

Именно в этот переломный момент происходит трансформация РСМ из самостоятельной политической организации в младшее звено МНРП, о чем свидетельствуют как постановление о формировании комиссии по урегулированию отношений между двумя организациями 1923 г., так и итоги III съезда МНРП в 1924 г. На данном этапе ревсомол стал осуществлять роль ориентированного на СССР и социалистические преобразования «лобби» уже не в качестве организации, а в качестве группы активистов в самой партии, пусть и не без оговорок, став тем «самым левым звеном в политической жизни Монголии», о котором с 1921 г. говорилось в директивах Коминтерна [Рощин 1999: 97].

О своей решимости содействовать реализации второго этапа советской политики в Монголии МРСМ заявил еще в 1923 г. Делегатами ревсомола на первом съезде МНРП был поставлен вопрос о чистке партии от карьеристов, а также задача переформирования ЦК. [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 19. Л. 2–12]. По сути, это было первым выступлением МРСМ на внутрипартийной арене. Уже с 1924 г. будет запущен процесс перехода от демократического к социалистическому этапу революции. И выходцы из МРСМ сыграют большую роль в реализации обеспечивающих

этот переход мероприятий. Так, значительная группа членов ревсомола в 1924 г. консолидированно выступила против политического курса Солийн Данзана, который шел вразрез с советским видением «новой Монголии» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 24. Л. 61–97; Златкин 1999: 191]. Также менее опытные члены ревсомола привлекались к работе в Малом Хурале – новом органе, учрежденном для укрепления вертикальной системы власти [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 33. Л. 117, 154–160, 202].

Таким образом, на втором этапе (с конца 1923 г.) ревсомол, несмотря на становление зависимой от МНРП организацией, продолжал действовать в интересах Советского Союза уже в качестве группы партийных деятелей, которые восполнили ряды партии в ходе классовых чисток и сыграли важную роль в предотвращении победы правых внутри партии.

При наличии четкого понимания задач ревсомола в 1921–1924 г., становится возможным правильно интерпретировать автономный от партии характер развития данной организации на начальном этапе ее существования. Дело в том, что он, с одной стороны, был вызван отсутствием нужды в прямой кооперации с партией, а с другой, был необходимым условием максимизации результатов деятельности ревсомола, направленной на подготовку монгольского общества к изложенным выше «долгосрочным вызовам».

Дело в том, что, несмотря на молодость МНРП, в 1921–1923 гг. основные посты в ней занимали представители немарксистских взглядов: бывшие ламы, старое чиновничество, интеллигенция, чье видение будущего Монголии совпадало с советским лишь в краткосрочной перспективе, что уже тогда понимали в Коминтерне [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 3. Л. 5–6]. Партия не была революционной или марксистской, а являлась просто национальным фронтом для обеспечения демократического этапа революции [Златкин 1952: 171–172]. Революционная характеристика не использовалась даже в партийной документации большую часть 1920-х гг. [Рошин 1999: 63].

В связи с этим, не было смысла делать МРСМ зависимым от МНРП слишком рано, пока не взят курс на некапиталистическое развитие и сама партия не является массовой и революционной: пока не решена задача национального освобождения и укрепления аратства. Было выгодно сохранять самостоятельность МРСМ при наличии общей идейной платформы [Чойбалсан 1961: 11] и контролировать его напрямую из ИККИ и КИМ, чтобы готовить старым и отсеивающимся кадрам МНРП идейную и просоветскую замену или, как говорил Э-Д. Ринчино, смену Народной партии [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 24. Л. 61–97].

Об этой стратегии развития МРСМ говорил еще Б. Шумяцкий в письме к Ринчино в октябре 1921 г., сразу после образования союза: «Союз не должен входить в орган власти, ибо иначе извратится его радикальная сущность, и он превратится в простой придаток нарревпартии». В этом же письме он говорит и о том, что «пути единой нации скоро разойдутся», логически предусматривая близкий конец этапа «демократического фронта» и перехода к этапу «социалистических преобразований» (цит. по [Базаров, Жабоева 2008: 304]). Поэтому, обособленное развитие МРСМ до 1924 г. было естественным, и, самое главное, контролируемым процессом.

Переходим к основным выводам. Во-первых, роль МРСМ в политике СССР в отношении Монголии была различной на двух основных этапах: В 1921–1923 и 1923–1925 гг. Данное различие было вызвано существованием двух этапов у самих революционных преобразований в Монголии – демократической и социалистической соответственно.

На первом этапе МРСМ одновременно обеспечивал решение как задач народного этапа революции, так и задач долгосрочного плана – создание кадровой базы ориентированных на Коминтерн и СССР партийцев, которые примут активное участие в реализации уже социалистического этапа революции.

На втором этапе МРСМ начинает действовать уже как сплоченная фракция в составе МНРП, продвигавшая теперь уже изнутри партии просоветскую повестку.

На основании данных выводов представляется возможным правильно интерпретировать и феномен автономности или альтернативности МРСМ в период с 1921–1924 гг. Если на первом этапе автономное существование ревсомола минимизировало влияние старых политических сил на перспективную молодежь, то на втором масштабные задачи по преобразованию всей политической жизни в стране потребовали приобщения так называемых «воспитанников» ревсомола к партийной работе. В свою очередь, задачи дальнейшего социалистического строительства в масштабах всей Монголии потребовали объединения усилий МРСМ и революционной партии.

Источники

Доклад уполн. Коминтерна молодежи в Монголии Зорикту (А. Г. Старкова) о I съезде МНП и первых мероприятиях ЦК после съезда. г. Урга. 24 ноября 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 19. Л. 2–12. Подлинник.

Доклад уполномоченного Коминтерна в Монголии Т. Р. Рыскулова в ИККИ о политическом и экономическом положении МНР и о задачах партийного и государственного строительства в МНР на ближайшее время, г. Урга. 2 ноября 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 24. Л. 61–97. Подлинник.

Из доклада уполномоченного Коминтерна в МНР Т. Р. Рыскулова в ИККИ о выполнении директивы Коминтерна по вопросам государственного и партийного строительства в Монголии и достижениях Нарревпартии в этих областях. г. Улан-Батор-хото. 23 июня 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 33. Л. 117, 154–160, 202. Подлинник.

Предложения делегации НРП Внешней Монголии о ближайших задачах партии. г. Иркутск. [29 августа] 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 3. Л. 5–6. Делопроизводственный перевод с монгольского.

Литература

Базаров Б. В., Жабоева Л. Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2008. 377 с.

Ванданов М. КИМ на боевых позициях. Ревсомол Монголии. М.: Молодая гвардия, 1931. 46 с.

Златкин И. Я. Монгольская Народная Республика. Сборник статей. М.: Издательство АН СССР, 1952. 395 с.

Матвеева Г. С. Монгольский революционный союз молодежи: история и современность. М.: Наука, 1983. 341 с.

Роцин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 326 с.

Роцин С. К. Пэлжидийн Гэндэн. Монгольский национальный лидер. М.: ИВ РАН, 2008. 165 с.

Чойбалсан Х. Избранные статьи и речи. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 358 с.

Монголын хувьсгалт залуучуудын эвлэлийн анхдугаар Их Хурал. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. 85 х.

Открывая древнюю Монголию: научные исследования Г. И. Боровки и С. А. Теплоухова в Монголии в 1920-х гг. Новые архивные материалы*

Смирнов Николай Юрьевич

Институт истории материальной культуры РАН

Аннотация: Исследование древних памятников и культур на территории Монголии, целенаправленно начатое еще в XIX в. участниками знаменитых экспедиций Русского географического общества и, в особенности, экспедициями под руководством П. К. Козлова, продолжилось и в советский период, после установления дипломатических отношений между двумя странами и создания Ученого комитета МНР. Выход изучения древностей в регионе на новый научный уровень связан с деятельностью профессиональных археологов российского происхождения – Г. И. Боровки и С. А. Теплоухова, работавших в составе Монголо-Тибетской экспедиции под руководством П. К. Козлова в 1924 г., а в последующие годы – в качестве организаторов собственных экспедиций.

Участие Г. И. Боровки и С. А. Теплоухова в раскопках хуннских курганов в горах Ноин-Ула и последующая их деятельность в области изучения древнего прошлого Монголии освещены все еще недостаточно, несмотря на значительное количество публикаций по истории советско-монгольского научного сотрудничества. И, в первую очередь, это касается документальных свидетельств их археологических исследований.

В статье описываются и анализируются выявленные автором в архиве Российского этнографического музея новые данные (документы и фотографии), разносторонне отражающие деятельность первых советских исследователей археологии Монголии в 1920-е гг. Некоторые из этих документов, например, полевые дневники С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки, фиксирующие археологические раскопки 1924 г. в Ноин-Уле, долгое время считались утраченными и сейчас впервые характеризуются как новый научный источник.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РСМ в рамках научного проекта № 20–59–44005. Частично (в части, касающейся планов несостоявшейся экспедиции С. А. Теплоухова 1926 г.) – в рамках исполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите – позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022–0014).

Отдельный интерес представляют заметки С. А. Теплоухова, отражающие процесс подготовки и исследовательские планы его экспедиции в Монголию в 1926 г. Они также впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Монголия, СССР, научное сотрудничество, археологические исследования, архивные документы, Ноин-Ула, П. К. Козлов, С. А. Теплоухов, Г. И. Боровка.

Discovering ancient Mongolia: scientific investigations of G. I. Borovka and S. A. Teploukhov in Mongolia in the 1920s. New archive documents*

Nikolay Yu. Smirnov

Institute for the History of Material Culture RAS

Abstract: *The investigation of ancient monuments and cultures in the territory of Mongolia which was purposefully started as early as in the 19th century by the participants of the famous expeditions of the Russian Geographic Society and, in particular by expeditions directed by P. K. Kozlov, were continued also during the Soviet period after the establishment of diplomatic relations between the two countries and the foundation of the Scientific Committee of the Mongolian People's Republic. The attainment of the new scientific level of studies of antiquities in this region was related to the activities of professional archaeologists of Russian origin – G. I. Borovka and S. A. Teploukhov, working within the staff of the Mongol-Tibet Expedition headed by P. K. Kozlov in 1924, and afterwards as organizers of their own expeditions. The participation of G. I. Borovka and S. A. Teploukhov in excavations of Xiongnu barrows in the Noin-Uul mountains and their subsequent activities in the sphere of studies of the ancient past of Mongolia are covered still not sufficiently despite a considerable number of publications on the history of the Soviet-Mongolian scientific collaboration. Firstly this is true as the documentary evidence of their archaeological investigations is concerned. This paper describes and analyses new data (documents and photographs) discovered by the author in the archives of the Russian Ethnographic Museum reflecting many aspects of the activities of Soviet researchers of the archaeology of Mongolia in the 1920s. Some of these documents, in particular S. A. Teploukhov's and G. I. Borovka's field diaries recording the*

* Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and Ministry of Education, Culture, Science and Sport of Mongolia, project number 20–59–44005. Partly (concerning the plans of the unrealized expedition of S. A. Teploukhov in 1926) – within the framework of Fundamental Scientific Research of the State Academies of Sciences program on the topic of State Assignment «Steppe herding cultures, settled agriculturalists and urban civilizations of Northern Eurasia in the Eneolithic – Late Iron Age (sources, interactions, chronology)» (No: FMZF-2022–0014).

archaeological excavations of 1924 in Noin-Uul have been for a long time considered as lost and now are first characterized as a new scientific source. Of special interest are S. A. Teploukhov's notes concerned with the process of preparation and research plans for his expedition to Mongolia in 1926. These notes also are first published in the present paper.

Key words: *Mongolia, USSR, scientific collaboration, archaeological investigations, archive documents, Noin-Uul, P. K. Kozlov, S. A. Teploukhov, G. I. Borovka*

Первые профессиональные археологические исследования на территории Монголии были проведены в начале 1920-х гг. силами советских специалистов-археологов, имевших серьезное дореволюционное университетское образование и значительную полевую и теоретическую подготовку, знатоков древностей эпохи бронзы, раннего железного века и античности – Сергея Александровича Теплоухова (1888–1934) и Григория Иосифовича Боровки (1894–1942). Сперва, в составе последней крупной экспедиции Русского географического общества (далее – РГО) в Монголию, работавшей под руководством П. К. Козлова (Монголо-Тибетской, 1923–1926 гг.), где они в 1924 г. совместно руководили отдельным археологическим отрядом, созданным в спешке, по настоянию Академии наук, по результатам самостоятельных раскопок П. К. Козловым курганов хуннской знати в горах Ноин-Ула, а затем уже в качестве руководителей археологических отрядов экспедиции Монгольской комиссии СНК и АН СССР в 1925–1926 гг. [Боровка 1925; 1927; Козлов 1925; Теплоухов 1925; Андреев, Юсупова 2001: 66–68; Юсупова 2006: 32–62, 72, 77, 82 и др.; Елихина 2015; Китова 2015; Медведева, Чулуун 2017: 18–20; Юсупова 2018: 74–77, 86–87, 91–92].

С. А. Теплоухов, Г. И. Боровка и сам П. К. Козлов практически сразу опубликовали сенсационные результаты раскопок хуннских курганов в горах Ноин-Ула в 1924 г. [Боровка 1925; Козлов 1925; Теплоухов 1925]. Содержится важная информация и в изданных теперь дневниках П. К. Козлова [Козлов 2003: см. указатель имен]. Позднее Г. И. Боровка выпустил обзорную статью-отчет о своих самостоятельных работах 1925 г. на р. Тола в рамках Монгольской

экспедиции СНК и АН СССР [Боровка 1927]. Отчет о повторных работах в Ноин-Уле в 1926 г. им опубликован уже не был [Юсупова 2018: 92]. С. А. Теплоухов после 1924 г. хотя и планировал продолжить работы непосредственно в Монголии, но переориентировался на Туву, попавшую в сферу интересов СССР, и проработал там несколько лет, не оставляя, впрочем, свои исследования и в Хакасии. О его работах этого периода известно крайне мало, сведения, попавшие в литературу, весьма отрывочны и противоречивы [например, Юсупова 2006: 82, 86; Китова 2010: 170; 2015], и история его экспедиций еще не написана.

Обстоятельства проведения, ход и результаты упомянутых работ 1924–1926 гг. (за исключением планировавшейся экспедиции С. А. Теплоухова 1926 г.) достаточно хорошо отражены в современной литературе по истории советских археологических исследований в Монголии и взаимодействию Ученого комитета Монголии и АН СССР в начале XX в. [Андреев, Юсупова 2001; Юсупова 2006; Елихина 2015; Медведева, Чулуун 2017 и др.]. Совсем недавно вышла исчерпывающая аналитическая статья Н. А. Сутягиной, посвященная истории изучения археологической коллекции, полученной при раскопках курганов в горах Ноин-Ула [Сутягина 2020].

И в целом, казалось бы, белых пятен на начальных страницах истории советско-монгольского археологического сотрудничества нет...

Однако продолжающаяся работа в архивах не только закрывает очевидные белые пятна, но и приводит к пониманию того, что есть своего рода неочевидные лакуны, которые могут и должны быть заполнены впервые выявленными документами. Это прямым образом касается и истории сотрудничества Монгольской Народной Республики и Советской России на археологическом поприще в период становления их дипломатических отношений.

В 2020–2021 гг. в фонде С. А. Теплоухова в Архиве Российского этнографического музея (далее – АРЭМ) мне удалось выявить документы, которые необходимым образом дополняют имеющиеся

данные по истории работ советских археологов в Монголии в первой половине – середине 1920-х гг.

К 1924 г. относятся *пять рукописных тетрадей* (полевых дневников) [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58, 60, 63, 64, 148], которые вели осенью 1924 г. во время раскопок кургана № 24 могильника Ноин-Ула руководители археологического отряда Монголо-Тибетской экспедиции РГО С. А. Теплоухов и Г. И. Боровка. Первые, очень краткие сведения об их обнаружении и научном значении содержащейся в них информации уже опубликованы [Смирнов 2021: 18; Сулягина, Смирнов 2021: 97].

Эти дневники отсутствовали в пространстве научных исследований на протяжении 87 лет, начиная с ноября 1933 г. – момента ареста и заключения в тюрьму С. А. Теплоухова [Китова 2010: 172] (Г. И. Боровка был арестован еще раньше, в сентябре 1930 г. [Панкратова 2019: 146]) и вплоть до лета 2020 г., когда я обнаружил и атрибутировал их в составе фонда С. А. Теплоухова в АРЭМ. С их появлением и планируемой полной публикацией будет окончательно закрыт вопрос о качестве и тщательности первых советских археологических работ в Монголии (забегая вперед отмечу, что оно было очень высоким, а не просто соответствовало требованиям науки и условиям того времени), а проведенный Н. А. Сулягиной первичный анализ записей уже позволил уточнить целый ряд важных деталей погребального обряда, зафиксированных в процессе полевых исследований, но, по разным причинам, не попавших в итоговые печатные отчеты [Сулягина, Смирнов 2021].

Нелепая ситуация с длительной невостребованностью упомянутых источников объясняется достаточно просто. Исследователи, специализировавшиеся на изучении древностей Ноин-Улы во второй половине XX – начале XXI в., опирались на опубликованные отчеты и музейные коллекции [Руденко 1962; Елихина 2015; 2017], полагая, что оригиналы полевых дневников исчезли после ареста и гибели первооткрывателей, а опубликованная информация выглядит исчерпывающей. В то же время, обработка архива С. А. Теплоухова в 1960-х гг. была проведена настолько небрежно,

что многие документы были поименованы весьма условно или, даже, ошибочно, что ясно из их содержания, а в ряде случаев было проигнорировано также то, что авторами документов вообще были другие лица.

Приведу краткое описание выявленных документов. Из пяти тетрадей-дневников, выявленных в АРЭМ, две принадлежат Г. И. Боровке [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63, 64], а три – С. А. Теплоухову [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58, 60, 148]. При этом в архивной описи фонда № 3 (архив С. А. Теплоухова) они все числятся в качестве документов, созданных самим С. А. Теплоуховым несмотря на то, что написаны двумя разными почерками, а в записях Г. И. Боровки встречаются упоминания о коллеге, сделанные в третьем лице!

Четыре из пяти тетрадей [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58, 60, 63, 64] представляют собой типичные полевые дневники, которые вели во время раскопок кургана № 24 С. А. Теплоухов и Г. И. Боровка. В каждой из пар тетрадей [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58, 60] и [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63, 64] одна является продолжением другой. Дневники С. А. Теплоухов и Г. И. Боровка вели отчасти параллельно, отчасти заменяя друг друга. Последнее связано с отсутствием С. А. Теплоухова на раскопе и в полевом лагере, примерно неделю в середине археологических работ, из-за сильнейшей простуды, для лечения которой ему пришлось даже уехать в Ургу [подробнее об этом см.: Смирнов 2022]. Все четыре полевых дневника содержат записи о ходе раскопок кургана, а также рабочие чертежи (кроки) планов и разрезов исследуемого сооружения, сопровождающиеся пояснениями. Кроме того, в части из них присутствуют полевые заметки, не относящиеся к работе Монголо-Тибетской экспедиции, либо записи личного характера. Так, например, один из дневников С. А. Теплоухова включает в себе довольно любопытные сведения о проведении обряда *ызых-тайыг* хакасским шаманом летом 1924 г. [Смирнов, Кустова 2021]. Отмечу, что перед нами рядовая ситуация: археолог, ведущий полевой дневник в процессе исследований, может заносить в него все сведения о полевых работах сезона, даже если они ведутся на разных памятниках или

относятся к разным задачам (археологические разведки и раскопки, этнографические описания и так далее). Хронологически, дневники, написанные С. А. Теплоуховым, охватывают период лета (работы в Минусинском крае) – осени (работы в Монголии) 1924 г., а дневники Г. И. Боровки – только период работ в Монголии (октябрь, возможно, начало ноября того же года).

Пятая тетрадь, с записями С. А. Теплоухова [АРЭМ. Ф. 3, оп. 1, д. 148] – наименее объемная, и содержит отдельные чертежи планов и разрезов могильного сооружения и краткие заметки к ним. Скорее всего, она представляет собой рабочую тетрадь с промежуточными (между написанием полевых дневников и созданием итогового отчета) сведенными данными о результатах работ. Поэтому, может датироваться и временем после окончания полевых работ в Ноин-Уле, т.е. концом осени или даже началом зимы 1924 г.

К периоду, предшествующему началу работ в Ноин-Уле, можно отнести *черновик телеграммы* С. А. Теплоухова С. Ф. Ольденбургу, видимо, отправленной во второй половине – конце лета 1924 г. из Минусинска. В это время с подачи С. Ф. Ольденбурга и Н. Я. Марра начались спешные действия Академии наук по организации специального археологического отряда в рамках Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова, после первых результатов его раскопок в Ноин-Уле, широко освещенных в прессе [Юсупова 2006: 39]. Черновик сохранился среди записей в другом полевом дневнике С. А. Теплоухова за 1924 г. Приведу здесь текст телеграммы полностью: «Ленинград. Академия Наук. С. Ф. Ольденбург. Прошу написать мне Минусинск музей ~~когда, где, на~~ о времени, месте, средствах организации раскопок в Монголии. Теплоухов» [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 59. Л. 41].

К этому же комплексу документов по смыслу примыкает *подборка фотографий* (отпечатков), сделанных, вероятнее всего, самим С. А. Теплоуховым или с помощью его фотоаппарата, и запечатлевших начальные этапы работ археологического отряда, в том числе начало раскопок кургана № 24 [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 147. Л. 65, 66, 86–71, 77]. Самыми примечательными фотографиями

этого набора являюся снимки П. К. Козлова верхом на белом иноходце [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 147. Л. 70, 76, 80], сделанные С. А. Теплоуховым по просьбе первого в пади Гуджиртэ, о чем мы знаем из дневников самого путешественника [Козлов 2003: 318, 322]. Другие снимки фиксируют рабочие моменты процесса раскопок кургана № 24 и, в том числе, суровые погодные условия, в которых была вынуждена работать экспедиция глубокой осенью 1924 г. [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 147. Л. 65, 66, 69, 71 77].

К 1925 г. относятся несколько документов, фиксирующих планы работ С. А. Теплоухова, связанные с разведками и раскопками, которые он собирался проводить в Монголии в 1926 г. Это *черновые планы маршрута экспедиции и переписка с С. Ф. Ольденбургом*, касающаяся участия С. А. Теплоухова в работе правительственной комиссии по рассмотрению отчётов Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова, а также планов его собственных исследований в регионе.

История организации и перипетии работы Монгольской комиссии подробно рассмотрены Т. И. Юсуповой [Юсупова 2006: 54–88; 2018 77–94], что избавляет меня от необходимости излагать канву сюжета. Поэтому лишь кратко опишу ниже выявленные материалы, относящиеся непосредственно к С. А. Теплоухову.

К 4 февраля 1925 г. относится *машинописная записка* С. Ф. Ольденбурга (?), в которой С. А. Теплоухов приглашается к участию в заседании Монгольской комиссии. Вероятно, это одно из стандартных приглашений тех лет, рассылаемых членам-участникам академических комиссий. Записка представляет собой машинопись на четвертушке листа, с карандашными пометками С. А. Теплоухова, на обороте которой от руки написаны фамилия и адрес получателя: «С. А. Теплоухову. Русский музей. Инженерная, 4» [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 18–18 об.]. Приглашение гласит: «Председатель Комиссии по всестороннему исследованию Монголии просит Вас прибыть на заседание, имеющее быть в среду, 4 сего февраля в 7 час[ов] веч[ера], в Кабинете Непременного Секретаря Российской Академии Наук

/Университетская наб[ережная], 5/» [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 18–18 об.]. По всей видимости, речь идет заседании, состоявшемся 4 февраля 1925 г., в Ленинграде, на котором обсуждался вопрос о создании российского исследовательского центра в Монголии [Юсупова 2006: 64]. Интересно, что на записке рукой С. А. Теплоухова сделаны отметки об участниках заседания или выступавших коллегах: «Полынов, Крыж[ановский], Бор[овка], Теплоухов, Комаров, Шокальский, Вавилов, Рачковский, Владимирцов» [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 18]. Притом, этот список не совсем совпадает со списком участников инициативной группы по данным, опубликованным Т. И. Юсуповой [Юсупова 2006: 64].

К 3 мая 1925 г. относится *машинописное письмо* С. А. Теплоухова, подписанное им от руки и направленное С. Ф. Ольденбургу, в котором он отказывается от экспедиционного выезда в Монголию в текущем году, указывая в качестве основных причин невозможность надолго уехать из Ленинграда, в связи со своими рабочими обязанностями в музее и университете. В том же письме он просит «поставить в первую очередь» его поездку в Монголию, запланированную на будущий, 1926 г., и подтверждает ранее оговоренные маршрут обследования и смету экспедиции [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 13].

Вероятно, к весне 1925 г. относятся и *два рукописных черновика плана работы экспедиции* в Монголии, первый из которых озаглавлен «Дополнения к плану археологического обследования [Монголии]» [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 14–17]. В этих документах С. А. Теплоухов пишет о своем желании частично изменить уже представленный и одобренный маршрут экспедиции – на обратном пути, вместо возвращения на восток, через Троицко-Савск, выбрать путь на запад, через Семипалатинск, что позволило бы ему сопоставить археологические памятники Монголии не только с памятниками Минусинских котловин, но и с памятниками Алтая и района Семипалатинска. Также он указывает, что хотел бы продлить срок работы экспедиции на один месяц [Там же]. Обновленный

маршрут экспедиции должен был выглядеть так: «С Енисея долиной р[еки] Кемчика через Танну-ола в Уланком; из Уланкома северным берегом озера Убса, долиной р[еки] Теси до озера Сангин-далай; от Сангин-далай долиной р[еки] Эдер в Улясутай; из Улясутая на озера Киргиз-нор, Кара-нор и Кара усы. Обогнув с юга озеро Кара усы в Кобдо. Из Кобдо рекою Кара Булгун в Булгун-тохой» [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 15, 17].

О планах С. А. Теплоухова провести разведочные и раскопочные работы в Монголии в 1926 г. известно, кроме того, из материалов заседания СНК 17 ноября 1925 г. и текста договора с Ученым комитетом Монголии об условиях проведения исследований отрядами экспедиции Монгольской комиссии СНК, заключенного перед полевым сезоном 1926 г. [Юсупова 2006: 78, 82].

К 1926 г. относятся еще несколько документальных свидетельств о планах С. А. Теплоухова провести разведки и раскопки в Монголии. Это *мандат* Управления делами СНК, выданный на его имя 15 марта 1926 г. [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 83. Л. 1]. В документе указано, что С. А. Теплоухов — «Начальник Археологического Отряда Комиссии Совета Народных Комиссаров Союза ССР по научному исследованию Монголии и Танну-Тувы». Там же отмечено, что он направляется «с вверенным ему отрядом в Монголию и Танну-Тува для проведения там работ по археологическому исследованию» [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 83. Л. 1].

Подтверждают эти намерения и краткие сведения из *прошения*, касающегося открытых листов на раскопки в Хакасском и Минусинском округах, поданного С. А. Теплоуховым в ГАИМК 3 мая 1926 г., в котором он пишет о своем скором отъезде в Монголию [НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 122. Л. 1]. Однако никаких сведений о результатах его работ в Монголии и вообще — о проведении этих работ в литературе не имеется, упоминается только о работах в Туве и Минусинском крае [например, Юсупова 2006: 86; Китова 2015: 980, 982]. В его собственных отчетах о работах в Танну-Тувинской Республике, хранящихся в НА ИИМК РАН и в АРЭМ, нет об этом ни слова. В настоящий момент общепринятой является

точка зрения о том, что С. А. Теплоухов в Монголию не выезжал и никаких работ летом 1926 г. там не проводил.

Однако есть два любопытных документа, которые позволяют поставить под сомнение эту точку зрения.

8 октября 1926 г. датируется *ответ* исполняющего обязанности заведующего Этнографическим отделом Русского музея Б. Г. Крыжановского на запрос РГО относительно устройства выставки материалов, полученных Монголо-Тибетской экспедицией. В этом запросе отмечается, что дело устройства выставки будет поручено «начальнику археологического отряда Монгольской Экспедиции, Хранителю Отдела С. А. Теплоухову, возвращение которого из Монголии ожидается в ближайшие дни» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 177. Л. 92].

К началу 1928 г. относятся *две докладные записки* (прошения) С. А. Теплоухова, направленные в Главнауку и руководству географического факультета ЛГУ, в которых он просит выделить финансирование на проведение полевых исследований в 1928 г. [АРЭМ. Ф.3. Оп. 1. Д. 96. Л. 3, 4 об.]. При этом С. А. Теплоухов ссылается на свой опыт трехлетних полевых исследований в Монголии и Танну-Тувинской Республике [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 96. Л. 3, 4 об.].

Конечно, это косвенные данные, которые могут быть трактованы и иначе. Например, заведующий Этнографическим отделом знал, что С. А. Теплоухов командирован в экспедицию в Монголию, но до возвращения последнего в Ленинград не был извещен о том, что тому удалось поработать в 1926 г. только в Туве. А в своих прошениях в Главнауку и в ЛГУ, указывая на трехлетний опыт работ в Монголии и Туве, С. А. Теплоухов мог объединить два года работы в Туве (1926 и 1927 гг.) и один год работы в Монголии (в 1924 г.).

Но есть еще одно косвенное свидетельство того, что С. А. Теплоухову (?) все же удалось побывать в Монголии в 1926 г. Возможно, к 1926 г. (?) относится подборка *отпечатков фотоснимков* – всего 34 экземпляра, на которых запечатлены археологические памятники Западной Монголии (в основном, оленные камни и тюркские изваяния). Отпечатки частично аннотированы от руки

на обороте [АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–34]. Указанные в аннотациях места съемки близки тому маршруту, который был определен С. А. Теплоуховым в плане археологических работ в Монголии, однако подписи сделаны не его рукой. С почерком Г. И. Боровки имеющиеся образцы также не совпадают. Кроме того, последний работал в 1925 и 1926 гг. в другой части Монголии.

Таким образом, до окончательного прояснения истории происхождения и авторства этих снимков, можно осторожно предположить, что они являются единственным визуальным свидетельством кратковременного пребывания С. А. Теплоухова и членов его экспедиции в Монголии в 1926 г.

Источники

Материалы (протоколы, отчеты, докладные записки и акты) о работе Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова и о сохранности и реставрации коллекции Хара-Хото // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 177.

С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Монголии. 1924 г. [Г. И. Боровка. Дневник раскопок кургана № 24 в Ноин-Уле. Тетрадь № 1]¹ // АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63.

С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Монголии. Ч. 2. 1924 г. [Г. И. Боровка. Дневник раскопок кургана № 24 в Ноин-Уле. Тетрадь № 2] // АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64.

С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Бокулей и Кудара [С. А. Теплоухов. Дневник раскопок кургана № 24 в Ноин-Уле. Тетрадь № 1] // АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58.

С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Тубы. 1924 г. [С. А. Теплоухов. Дневник раскопок кургана № 24 в Ноин-Уле. Тетрадь № 2] // АРЭМ (Архив Российского этнографического музея). Ф. 3. Оп. 1. Д. 60.

С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Ноин-Ула (Монголия) [С. А. Теплоухов. Дневник раскопок кургана № 24 в Ноин-Уле. Тетрадь № 3] // АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148.

¹ Здесь и далее в описании архивного дела в квадратных скобках указано его верное название, отражающее результаты переклассификации, сделанной мной при изучении его содержания. В архивной описи все дела числятся под названиями указанными в начале описания, так как результаты переклассификации еще не утверждены архивной комиссией АРЭМ.

С. А. Теплоухов. Записки и отчёты об археологических раскопках в районе Восточной Монголии // АРЭМ. Ф. 3, оп. 1, д. 77.

С. А. Теплоухов. Переписка и сметы по археологической экспедиции в Хакасском округе (в районе деревни Батеней) и Монголии // АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 96.

Литература

Андреев А. И., Юсупова Т. И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова (1923–1926 гг.) // ВИЕТ. 2001. № 2. С. 51–74.

Боровка Г. И. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 23–40.

Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Т. II. Предварительные отчёты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.

Елихина Ю. И. Раскопки С. А. Теплоуховым кургана № 12(24) в Ноин-Уле в 1924 г. // Б. Я. Владимирцов – выдающийся монголовед XX века. Сборник статей. Мат-лы рос.-монг. науч. конф. (6–8 окт. 2014 г., СПб.) / Гл. ред. С. Чулуун, науч. ред., сост. И. В. Кульганек. СПб. – Улан-Батор: ИВР РАН, ИИА МАН, 2015. С. 79–91.

Елихина Ю. И. Эрмитаж дахь Ноён-уулын эрдэнэс. П. К. Козловын шинжилгээний анги 1924–1926. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх архиеологийн хүрээлэн, 2017. 368 с.

Китова Л. Ю. Сергей Александрович Теплоухов // РА. 2010. № 2. С. 166–173.

Китова Л. Ю. Архивные материалы об исследованиях С. А. Теплоухова в Монголии и Туве // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. В 3-х т. Пекин: Science Press, 2015. Т. 3. С. 980–984.

Козлов П. К. Северная Монголия – Ноинулинские памятники // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 1–12.

Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926 / Ред-сост. Т. И. Юсупова. СПб.: Наука, 2003. 1039 с. (НН. Т. 30).

Медведева М. В., Чулуун С. Монголия и мир монголов 1920-х годов // Монголия и монголы / Сост. М. В. Медведева, С. Чулуун. СПб.– Улан-Батор: Изд-во «Адмонт принтинг», 2017. С. 18–23 (НМPh. Vol. III).

Панкратова Е. Г. «Слишком несправедливо...»: к биографии археолога Г. И. Боровки (по материалам следственного дела) // РА. 2019. № 2. С. 144–155.

Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 205 с.

Смирнов Н. Ю. Краткий обзор фонда № 3 архива Российского этнографического музея: материалы Сергея Александровича Теплоухова // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. Мат-лы Междунар. науч. конф., посв. 85-летию д.и.н. Э. Б. Вадецкой (1936–2018) и 90-летию д.и.н. Г. А. Максименкова (1930–1986) (19–21 апреля 2021 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 16–19.

Смирнов Н. Ю. Работа С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки в составе Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества под руководством П. К. Козлова в 1924 г. Новые архивные материалы // АВ. 2022. Вып. 34. С. 340–356.

Смирнов Н. Ю., Кустова Ю. Г. Сергей Александрович Теплоухов как этнограф: полевые заметки о проведении обряда *ызых-тайыг* в Минусинском крае. Записи 1924 г. // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. Сб. науч. статей в честь 80-летия проф. Д. Г. Савинова // Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 721–731.

Сутягина Н. А. Основные направления исследования археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг. // АВ (Археологические вести). 2020. Вып. 30. С. 330–342.

Сутягина Н. А., Смирнов Н. Ю. Новые материалы о раскопках кургана № 24 в пади Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия) // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. Мат-лы Междунар. науч. конф., посв. 85-летию д.и.н. Э. Б. Вадецкой (1936–2018) и 90-летию д.и.н. Г. А. Максименкова (1930–1986) (19–21 апреля 2021 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 96–99.

Теплоухов С. А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 13–22.

Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953 гг.). СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2006. 280 с.

Юсупова Т. И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018. 312 с.

«В город Ургу, в распоряжение Ученого Комитета»: студенты Ленинградского Восточного Института в Монголии

Носов Дмитрий Алексеевич

Институт восточных рукописей РАН

Аннотация: С августа 1923 по сентябрь 1930 гг. трое студентов Ленинградского Восточного Института (далее ЛВИ), ставших впоследствии известными монголоведами, прошли стажировку при Ученом Комитете МНР. Находясь в условиях малого финансирования и кадрового голода как советских учреждений, так и административных организаций молодой республики, студенты ЛВИ, тяготевшие к академической науке о Востоке, выполняли дипломатические поручения и привлекались к процессу комплексного естественно-научного и экономического исследования страны. Эти же причины служили основанием для продления срока их пребывания в Монголии с 6 месяцев до 2 лет. В статье, на примере стажировок трех студентов рассматриваются особенности подготовки будущих специалистов по Монголии. С одной стороны, длительная командировка в страну была обязательной. С другой, скудное финансирование не позволяло студентам, интересовавшимся главным образом проблемами академической науки, ограничивавшимся непосредственно тематикой собственных исследований. Они брались за любую работу в дипломатических, торговых и научных учреждениях на территории молодой Монгольской Народной Республики. Будущий историк и лексиколог В. А. Казакевич одновременно являлся и сотрудником Ученого Комитета страны, и Полпредства СССР в Монголии и даже выполнял задания для Генерального Штаба Монгольской народно-революционной армии. Будущий первый доктор наук Калмыкии, выдающийся филолог Ц.-Д. Номинханов успел побывать и переводчиком в Министерстве финансов МНР, и сотрудником Ученого Комитета, и дипломатическим курьером Полпредства СССР. Специалист по монгольской исторической литературе Л. С. Пучковский работал и учителем, и метеорологом.

Академические задачи перед студентами ставили их петроградские/ленинградские учителя – Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Поппе. Фактическим руководителем практики студентов из ЛВИ в самой Монголии был видный бурятский ученый, политический деятель и организатор монгольской академической науки Ц. Ж. Жамцарано. В этой работе в полной мере проявились его таланты организатора науки и администратора.

В 1922–1930 гг. сформировался целый комплекс факторов, создавший уникальную для монголоведения ситуацию, которую можно назвать переходной. Столетие научной «рекогносцировки» Монголии, начавшееся поездкой в Восточную Сибирь А. В. Попова (1808–1865) и О. М. Ковалевского (1800/01–1878), в 1828–1833 гг. завершалось. Формулировались задачи по полноценному изучению страны и развитию всех сфер ее жизни. Монголоведы-практиканты из ЛВИ в 1920-е гг. находились в парадигме классической академической востоковедной подготовки. Но им приходилось решать как научные, так и прикладные задачи по всестороннему описанию страны.

Ключевые слова: Экспедиции, Монголия, Ленинградский Восточный Институт, Ученый Комитет

«To the city of Urga, at the disposal of the Scientific Committee»: students of the Leningrad Oriental Institute in Mongolia

Dmitrii A. Nosov

Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Abstract: From August 1923 to September 1930 three students of the Leningrad Oriental Institute (LOI), who later became famous scholars in field of Mongolian studies, completed their traineeship at the Scientific Committee of the Mongolian People's Republic. Being in the conditions of low funding and staff shortages of both Soviet institutions and administrative organizations of the newly proclaimed republic, students of the LOI, seeking forward to the academic career in field of Oriental Studies, carried out diplomatic assignments, and were also involved in the process of comprehensive natural-scientific and economic research of the country. The same reasons served as the basis for extending the period of their stay in Mongolia from 6 months to 2 years.

In the article, on the example of traineeship of the three students, the features of training future specialists in Mongolia are considered. On the one hand, a long research trip to the country was mandatory. On the other hand, lack of funding did not allow students who were mainly interested in the problems of academic research to be limited directly to the topics of their own research. They took on any job in diplomatic, trade and academic institutions in the territory of the young Mongolian People's Republic. The future historian and lexicologist V. A. Kazakevich, at the same time was an employee of the Scientific Committee of the country, and the USSR Embassy in Mongolia, and even performed assignments for the General Staff of the Mongolian People's Revolutionary Army. The future first doctor of sciences of Kalmykia, an outstanding philologist Ts.-D. Nominkhanov, managed to be both a translator at the Ministry of Finance of the Mongolian People's

Republic, and an employee of the Scientific Committee and a diplomatic courier of the USSR Diplomatic Mission. Specialist in Mongolian historical literature L. S. Puchkovsky worked both as a teacher and a meteorologist.

Academic tasks for the students were set by their Petrograd / Leningrad tutors – B. Ya. Vladimirtsov and N. N. Poppe. The actual leader of the practice of students from the LOI in Mongolia itself was a prominent Buryat scientist, politician and organizer of Mongolian academic science Ts. Zh. Zhamtsarano. This work fully revealed his talents as an organizer of science and administrative authority.

In 1922–1930 a whole complex of factors was formed, which created a situation unique for Mongolian studies, which can be called a transitional one. The century of scientific «reconnaissance» of Mongolia, which began with a trip to Eastern Siberia by A. V. Popov (1808–1865) and O. M. Kovalevsky (1800/01–1878) in 1828–1833 ended. The tasks for the full study of the country and the development of all spheres of its life were formulated. Mongolian studies trainees from the LOI in the 1920s were in the paradigm of classical academic Oriental studies. But they had to solve both academic and applied problems in terms of a comprehensive description of the country.

Key words: Expeditions, Mongolia, Leningrad Oriental Institute, Scientific Committee of Mongolia

«В г. Ургу, в распоряжение Ученого Комитета Монголии» – такая приписка сопровождала удостоверения, выданные ректором Петроградского Института живых восточных языков Павлом Ивановичем Воробьевым (1892–1937) студентам, командированным в Монголию летом 1923 г. Это уникальное учебное заведение просуществовало всего 18 лет и носило четыре разных названия. Основанное в 1920 г. как Центральный Институт Живых Восточных Языков, оно в 1922 г. сменило имя вместе с городом сначала на Петроградский, а в 1924 г. на Ленинградский Институт живых восточных языков им. А. С. Енукидзе¹. Лишь в 1927 г. появилось самое известное его наименование – Ленинградский Восточный Институт (далее ЛВИ), под которым оно и было закрыто в 1938 г. [Иориш, Кононов 1977].

Идея создать «высшую практическую востоковедную школу» обсуждалась преподавателями на факультете восточных языков

¹ Енукидзе, Амель Сафронович (1877–1937) – российский революционер грузинского происхождения. Советский государственный деятель, член ВКП(б), секретарь ЦИК СССР.

Петроградского университета – главного востоковедного центра предреволюционной России – не позднее 1916 г. Первое предложение о создании Института живых восточных языков, поданное учеными-востоковедами руководству страны, А. Н. Кононов и И. И. Иориш датировали августом 1919 г. Летом 1920 г. Народный комиссариат по делам национальностей активно взаимодействовал с учеными [Иориш, Кононов 1977: 21], результатом чего стало постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 7 сентября 1920 г. за подписью В. И. Ленина.

Согласно постановлению, бывший Лазаревский (с 1919 г. – Армянский) институт преобразовывался в Центральный Институт живых восточных языков, но временно открывался в Петрограде до окончания реформирования московского высшего учебного заведения [Иориш, Кононов 1977: 19]. Задачей его стала подготовка специалистов по странам Азии для практической деятельности: дипломатической, просветительской, торговой. Разработчиками учебных программ и первыми преподавателями Института стали выдающиеся ученые: В. Л. Котвич (1872–1944), Б. Я. Владимирцов (1884–1931), Н. Н. Поппе (1897–1991), А. Н. Самойлович (1880–1938) и многие другие.

В течение первых десяти лет существования Института его работа строилась по классическому, «страноведческому» принципу. Он включал десять разрядов, в том числе Монгольский, который возглавил Б. Я. Владимирцов [Иориш, Кононов 1977: 25]. С самого начала существования ЛВИ преподаватели стремились обеспечить контакт учащихся с познаваемой ими культурой. По завершении первого года обучения будущие монголоведы должны были отправиться в Калмыцкую автономную область РСФСР под руководством Н. Н. Поппе. Тогда же, летом 1921 г., студенты из Бурятии, Калмыкии, Монголии и Тибета получили в свое распоряжение общежитие на территории буддийского храма в Петрограде². Оно на долгие годы стало местом первого

² Ныне здания по адресу г. Санкт-Петербург, Приморский пр., д. 91 и 93.

знакомства с бытом монгольских народов будущих специалистов по стране [Носов 2019а: 129].

Автору настоящей статьи неизвестно, состоялась ли поездка в Калмыцкую автономную область в 1921 г. Но хорошо известен состав первой группы студентов, командированных в Монголию. В нее вошли Н. Н. Бабынин, В. А. Казакевич и А. В. Петров [Батдорж 2019: 41]. Именно на их машинописных удостоверениях, выданных в июне 1923 г., П. И. Воробьев сделал вынесенную в заглавие статьи приписку. Самым известным из этой группы впоследствии станет Владимир Александрович Казакевич (1896–1937), а сформирует его как ученого монголоведа именно данная командировка.

Деятельность монголоведа В. А. Казакевича так или иначе затрагивается в значительном количестве публикаций по истории науки, и все же мнение об отсутствии комплексного исследования его наследия высказанное Валентиной Николаевной Мазуриной (1946–2019) [Мазурина 2019: 268], остается актуальным. Это вызвано, в первую очередь тем, что его наследие носит характер россыпи. Машинописные тексты и автографы неопубликованных работ хранятся в архивных собраниях России, Монголии и Польши, а многое не обнаружено и по сей день [Носов 2021а].

После расстрела в декабре 1937 г. имя исследователя было почти на 30 лет вычеркнуто из отечественной науки. Лишь с середины 1960-х гг. стали появляться краткие упоминания В. А. Казакевича в публикациях по истории монголистики и маньчжуроведения. Первый специальный очерк о нем принадлежит журналистке Инессе Ивановне Ломакиной (1930–2007). В нем, среди прочего, она поставила вопрос о существовании дневников монгольских экспедиций, в которых участвовал ученый в 1923–1925 гг. [Ломакина 1994: 36]. Ответить ей попытались иркутские монголоведы – Ю. В. Кузьмин и Владимир Вячеславович Свинин (1936–2012). Они составили обзор отчетов упомянутых экспедиций, хранившихся в Улан-Баторе, в современном Институте истории и этнографии (тогда – Институте истории) АН Монголии [Кузьмин, Свинин 2000: 3].

Отдельный оттиск этой небольшой статьи был выпущен тиражом 50 экземпляров и сразу же стал библиографической редкостью. Он не был доступен Александру Михайловичу Решетову (1932–2009), как при подготовке к печати 10 писем В. А. Казакевича своему учителю – польскому монголоведу Владиславу Людвиговичу Котвичу (1872–1944) [Решетов 2003], так и биографического очерка об ученом, составленного в соавторстве с В. В. Митиным [Митин, Решетов 2004]. И все же статья иркутских исследователей остается наиболее полным обзором деятельности В. А. Казакевича в 1923–1925 гг. в качестве сотрудника Ученого Комитета Монголии.

На сегодняшний день известно точное количество экспедиционных поездок по Монголии, совершенных сотрудником Ученого Комитета В. А. Казакевичем – их было пять.

В первую поездку студент из Петрограда отправился практически сразу же по прибытии в Монголию. 12 августа 1923 г. он в сопровождении молодого секретаря Монгольской народной партии, будущего великого поэта Дашдоржийна Нацагдорджа (1906–1937), выехал в современный Дундговь (Среднегобийский) аймак для обследования вновь открытых археологических памятников. По итогам этой поездки 20 августа 1923 г. был составлен краткий отчет объемом 0,2 а.л.³, машинописная копия которого хранится в Научном архиве Польской академии наук и Польской Академии искусств и наук в г. Кракове [ArchivPAN. K-III-19–125]⁴.

Менее чем через месяц, 12 сентября, начинается вторая экспедиция, организованная с целью обследования юго-восточной линии границы МНР. Итогом трех месяцев полевой работы стали археологические открытия и некоторый объем записанного фольклорного материала. 4 января 1924 г. В. А. Казакевичем был составлен отчет объемом 1,5 а.л. Его машинописная копия с пометками,

³ Здесь и далее объем рассчитан автором статьи на основе компьютерного набора в программе Microsoft Word.

⁴ Автор выражает огромную благодарность д-ру (PhD) Агате Бареа-Старжинска и директору Научного архива Польской Академии Наук и Польской Академии искусств и наук проф. Томашу Пудлоцкому за предоставление фотокопии данного документа.

нанесенными рукой исследователя, хранится в Центральном городском архиве Санкт-Петербурга [ЦГА СПб. Ф. 7222. Оп. 5. Ед. хр. 19. Л. 1–14].

Острая нехватка исследовательских и научно-технических кадров вынудила В. А. Казакевича в течение пяти месяцев с момента возвращения из экспедиции заниматься обработкой собранных материалов. От этого его постоянно отвлекали обязанности члена терминологической комиссии по географии при Ученом Комитете, составление карт для учебных заведений Монголии, и, среди прочего – описание хошунных карт, переданных в Картографический отдел Ученого Комитета.

Второй полевой сезон В. А. Казакевича в Монголии начинается в июне 1924 г. В сопровождении главы Картографического отдела – инженера-мелиоратора Всеволода Игнатьевича Лисовского (1888–1958) он в течение двух недель исследует верхнее течение рек Толы и Керулена. В составленном по итогам «экскурсии» отчете объемом 0,6 а.л. [ТХ Архив. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1в] дано подневное описание экспедиции, а также характеристика археологических и геологических находок.

Сразу же по возвращении В. А. Казакевич возглавляет работу Гобийской партии Ученого Комитета на 1924 г. Она функционировала с июля по декабрь 1924 г., а по итогам был составлен отчет объемом 7,5 а.л. [ТХ Архив. Ф. 1. Оп.3. Д. 1б], автограф которого доступен исследователям в Улан-Баторе. Несмотря на то, что главная цель – «установление южной границы Монгольской Республики» – достигнута не была, именно эта экспедиция окончательно укрепила в молодом ученом желание стать монголоведом.

Не сломили его и материальные трудности, с которыми пришлось столкнуться по возвращении в Улан-Батор. Из-за отсутствия у Ученого Комитета средств для найма работников, В. А. Казакевичу пришлось лично описывать все коллекции, чертить карты и готовить отчеты для разных учреждений, в том числе советских.

Весной 1925 г. ему вновь улыбнулась удача. 20 мая вместе с чиновником Министерства Внутренних дел МНР он был

командирован в хошуны Хэрулен-гол и Халхин-гол на территории современных Дорнод (Восточного) и Хэнтий аймаков. Главной целью работы партии ставился отвод территорий для семей бурят, эмигрировавших из Советской и царской России. Автограф отчета объемом 3,5 а.л. об этой уникальной экспедиции, продлившейся до 13 июля и прерванной травмой путешественника, сохранился в Санкт-Петербурге [АВ ИВР РАН. Ф. 63. Оп. 1. Ед. хр. 1]. Там же находится и рукопись статьи «Буряты-эмигранты в Монголии», которую исследователь подготовил 1 августа 1925 г. по заданию Полпредства СССР в МНР [АВ ИВР РАН. Ф. 63. Оп. 1. Ед. хр. 7]. Этот документ – яркое свидетельство того, что дипломатические органы Советской России активно использовали талантливого студента при осуществлении своей деятельности.

Стесненность в средствах и кадровый голод парадоксальным образом сыграли в пользу формирующегося монголоведа В. А. Казакевича. Стремившийся стать экономистом-историком, он развил навыки топографа, лексиколога, археолога и культурного антрополога. Составленные им отчеты затрагивают все сферы жизни первых лет новой Республики. Поставленная Ю. В. Кузьминым и В. В. Свиным задача – опубликовать эти документы [Кузьмин, Свинин 2000: 9], близка к своему решению. Но она станет лишь первым шагом в деле реконструкции всего наследия ученого.

Через год после отъезда в Монголию В. А. Казакевича в учебную командировку отправился молодой человек, которому суждено было стать первым в Калмыкии доктором наук. Буур (Борис) Очирович Юнзуков известен нам как Церен-Дорджи Номинханов. Он родился в Сальском округе Области Великого войска Донского в имении коннозаводчика Ивана Ивановича Попова (1859–1925) калмыковеда и этнографа-любителя [Убушиева 2019: 124–125]. Получив классическое калмыцкое образование при поддержке семьи князей Тундутовых [Очирова 2008: 83] и овладев, среди прочего, ясным письмом (*тодо бичиг*), молодой человек готовил себя к поприщу народного учителя. Но история страны внесла коррективы в его планы.

В 1921 г. юношу призвали на военную службу и в составе коллектива под командованием Константина Августовича Неймана (1897–1937) он отправился в Монголию [Орлова 2016: 50]. Находясь в стране два года, он занимал должность помощника советника разведывательного штаба МНРА и видного деятеля калмыцкой культуры Харти Бадиевича Канукова (1883–1933) [Орлова 2016: 50]. Успел молодой человек побывать и военным комендантом г. Урга (ныне – Улан-Батор), а в рамках обязанностей военного инструктора он в феврале 1923 г. выезжал на юго-западную границу Монголии [Орлова 2016: 51].

Летом 1923 г. Ц.-Д. Номинханов возвратился в калмыцкие степи, а в сентябре – стал студентом Петроградского института живых восточных языков [Орлова 2016: 51]. Итогом первого года учебы явилась командировка в Монголию с заданием от Б. Я. Владимирцова – изучить культуру дербетов Западной Монголии, а именно собрать этнографические данные, фольклорные и рукописные коллекции. Но по прибытии в страну оказалось, что провести эту работу непросто.

В августе и сентябре 1924 г. Ц.-Д. Номинханов при содействии видного ученого и общественного деятеля Цыбена Жамцарановича Жамцарано (монг.: *Жамсрангийн Цэвээн*) (1881–1942) получает должность переводчика в министерстве финансов. Но 26 сентября уже советская дипмиссия – Полпредство СССР в МНР помогает ему в выполнении задания ЛВИ. В статусе дипломатического курьера он направляется в Западную Монголию, к дербетам. Одновременно Ученый Комитет выдает ему небольшую сумму денег для приобретения старинных рукописей и записи произведений фольклора [Кульганек, Юсупова и др., 2021: 108].

Итогом экспедиции, завершившейся 19 апреля 1925 г. [Кульганек, Юсупова и др., 2021: 112], стали 10 рукописных тетрадей, хранящиеся в архиве Института языка и литературы АН Монголии (г. Улан-Батор) [Орлова 2016: 51]. Они были изданы в 2016 г. монгольскими исследователями На. Сухбаатаром и Т. Ганцогтом [Ганцогт, Сүхбаатар 2016а; Ганцогт, Сүхбаатар

20166]. Автором статьи уже опубликованы как характеристика материалов, содержащихся во всех десяти тетрадах [Носов 20196], так и отчет о поездке, подготовленный Ц.-Д. Номинхановым для ЛВИ [Кульганек, Юсупова и др., 2021: 106–117]. Этот документ – яркое свидетельство всех трудностей, с которыми приходилось сталкиваться молодым исследователям-энтузиастам. Свое отсутствие в Ленинграде в 1925/26 учебном году Ц.-Д. Номинханов объясняет сложностью материального положения и необходимостью продолжения трудовой деятельности в Ученом Комитете [Кульганек, Юсупова и др., 2021: 117].

Задержка, вызванная финансовыми причинами, позволила продолжить работу в Монголии, в том числе и сбор фольклорного материала. Автору статьи на сегодняшний день не известно о существовании отчетных документов относительно деятельности Ц.-Д. Номинханова в Ученом Комитете в 1925–1926 гг. Но среди материалов по устному народному творчеству монголов и калмыков, переданных ученым в Азиатский Музей (ныне – Институт восточных рукописей РАН в г. Санкт-Петербург), сохранились тексты, записанные летом 1925 г. в Улясутае и летом 1926 г. в местности Джанчублин-хуре [АВ ИВР РАН. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 39]. Так что он совершил еще как минимум два полевых выезда. Возвратился студент в Ленинград 1 октября 1926 г.

В отличие от В. А. Казакевича и Ц.-Д. Номинханова, поступавших в Институт в статусе военнослужащих, сын ректора Воронежского государственного университета Леонид Сергеевич Пучковский (1899–1970) имел совершенно иное прошлое, но и ему пришлось испытать на себе все трудности студенческого быта монголоведов 1920-х гг. В 1925 г. он окончил правовое отделение факультета общественных наук Ленинградского государственного университета, после чего увлекся историей и культурой Китая, поступив на соответствующий разряд Института [Яхонтова, Кульганек, Зорин, Носов 2019: 6]. За два года обучения у студента возник интерес к монгольскому языку, для освоения которого он по собственной инициативе отправился в Бурятию. Проработав

1927/1928 учебный год преподавателем в школе II ступени г. Троицкосавска (с 1876 по 1917 гг. – Троицкосавское Алексеевское реальное училище) на границе с Монголией, Л. С. Пучковский просит разрешения провести год уже непосредственно в стране, на что получает согласие руководства Института. В Улан-Баторе он также работает учителем в одной из советских школ, но 5 апреля 1929 г. в правление ЛВИ поступает телеграмма. В ней Ц. Ж. Жамцарано в качестве ученого секретаря Ученого Комитета просит предоставить Л. С. Пучковскому третий года отпуска. Так, будущий исследователь монгольских исторических сочинений получает направление в свою главную экспедицию. Он уезжает на вновь открытую метеорологическую станцию на Гобийском Алтае, в районе монастыря Байшинту [Носов 2021б: 96–97]. Яркое описание прибытия Л. С. Пучковского на место будущей станции, а также его сурового быта оставила М. И. Клягина-Кондратьева (1896–1971) [Клягина-Кондратьева, Яцковская 2007: 99].

Одним из итогов годичного пребывания Л. С. Пучковского на метеорологической станции в Южной Гоби стали 10 авторских листов «Образцов фольклора Монгольской Народной Республики», местонахождение которых на сегодняшний день неизвестно [Носов 2019а: 134]. Собиратель опубликовал лишь одну сказку в авторском переводе на русский язык [СНВ 1938: 12–13].

Примеры стажировок трех упомянутых выше монголоведов показывают, что в план подготовки будущих специалистов по Монголии входила длительная командировка в страну. Скудное финансирование, с одной стороны, и необходимость знакомства с практической работой, с другой, мотивировали студентов браться за любую работу в дипломатических, торговых и научных учреждениях на территории молодой Монгольской Народной Республики. Будущий историк и лексиколог В. А. Казакевич, находившийся в Монголии с 1923 по 1925 гг., одновременно являлся и сотрудником Ученого Комитета страны, и Полпредства СССР в Монголии. Будущий первый доктор наук Калмыкии Ц.-Д. Номинханов успел побывать и переводчиком в министерстве финансов МНР,

и сотрудником Ученого Комитета, и дипломатическим курьером Полпредства СССР. Л. С. Пучковский работал и учителем, и метеорологом.

Фактическим куратором практики студентов из ЛВИ был видный бурятский ученый, политический деятель и организатор монгольской академической науки Ц. Ж. Жамцарано. Он не только обеспечивал их рабочими местами в различных организациях Монголии и советских учреждениях на территории страны, но и помогал выполнять научно-исследовательские задачи, поставленные петроградскими/ленинградскими учителями – Б. Я. Владимирцовым и Н. Н. Поппе.

Стечение ряда факторов в 1922–1930 гг. создало уникальную для монголоведения ситуацию, которую можно назвать переходной. Столетие научной «рекогносцировки» Монголии, начавшееся поездкой в Восточную Сибирь А. В. Попова и О. М. Ковалевского в 1828–1833 гг. завершалось. Формулировались задачи по полноценному изучению страны и развитию всех сфер ее жизни. Монголоведы-практиканты из ЛВИ в 1920-е гг. находились в парадигме классической академической подготовки. Но им приходилось решать как научные, так и прикладные задачи по всестороннему описанию страны. Также они приняли участие в формировании «горизонтальных», неформальных контактов между советским и монгольским научными сообществами, не угасшие и по сей день.

Литература

Батдорж Ч. Судар бичгийн хүрээлэнд ажилласан оросын гурван оюутан (1923–1926) (=О работе трех русских студентов в Ученом комитете Монголии (1923–1926)) // *Mongolica*. Т. XXII. 2019. № 2. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. С. 41–45.

Ганцогт, Сүхбаатар 2016а: *Ц-Д. Номинхановын 1924–1925 онд Баруун Монголд хийсэн судалгаа – I. Эрхлэн хэвлүүлсэн*: На. Сүхбаатар. Гар бичмэлээс цахим бичвэрт бичиж, хөрвүүлэг, орчуулга хийсэн: На. Сүхбаатар, Т. Ганцогт. Улаанбаатар: «Соймбо принтинг» хэвлэх үйлдвэр, 2016. 168 х.

Ганцогт, Сүхбаатар 2016б: Ц-Д. Номинхановын 1924–1925 онд Баруун Монголд хийсэн судалгаа – П. Эрхлэн хэвлүүлсэн: На. Сүхбаатар. Гар бичмэлээс цахим бичвэрт бичиж, хөрвүүлэг, орчуулга хийсэн: На. Сүхбаатар, Т. Ганцогт. Улаанбаатар: «Соймбо принтинг» хэвлэх үйлдвэр, 2016. 210 х.

Иорши И. И., Кононов А. Н. Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения / Отв. ред. Ю. А. Петросян. М.: Наука – ГРВЛ, 1977. 136 с.

Из воспоминаний М. И. Клягиной-Кондратьевой (Публикация К. Н. Яцковской) // *Mongolica* – VII. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. С. 87–101.

Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. Монгольские дневники В. А. Казакевича // Иркутские монголоеды за «круглым столом». Информационный бюллетень. № 7. Иркутск, 2000. С. 3–10.

Монголия – Россия: век независимости – век сотрудничества / Сост. и отв. ред.: И. В. Кульганек, Т. И. Юсупова. Авторы: А. И. Андреев, Ю. И. Дробышев, Л. Б. Жабаева, В. Ю. Жуков, Ю. В. Кузьмин, И. В. Кульганек, Л. В. Курас, Д. А. Носов, К. В. Орлова, М. П. Петрова, И. Ф. Попова, Р. Ю. Почекаев, В. З. Церенов, Б. Д. Цыбенков, Т. И. Юсупова, Н. С. Яхонтова. СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2021. 230 с.

Ломакина И. И. В. А. Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе // *Mongolica* – III. Из архивов отечественных монголоведов XIX – начала XX вв. СПб.: Фарн, 1994. С. 35–37.

Мазурина В. Н. Деятельность ученого и собирателя В. А. Казакевича по изучению истории и археологии Монголии // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века. 2-е изд. СПб: Изд-во СПб. Ун-та, 2019. С. 268–275.

Митин В. В., Решетов А. М. Исследователь Монголии Владимир Александрович Казакевич (1896–1937) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 21. Под ред. Н. Н. Дьякова. СПб.: Изд-во С.-Петер. ун-та, 2004. С. 105–127.

Носов Д. А. Значение учебных командировок студентов ЛИЖВЯ для исследования фольклора монголов в 1920-е годы // Тюрко-монгольский мир: история и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения С. Г. Кляшторного. М.: Наука – Восточная литература, 2019а. С. 128–137.

Носов Д. А. Фольклорные и этнографические материалы Ц.-Д. Номинханова (1898–1967) в архивах Санкт-Петербурга // «Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве». III Международный науч. форум, 11–14 ноября 2019, г. Элиста. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019б. С. 273–277.

Носов Д. А. Россыпи документов В. А. Казакевича: отчеты о поездках по Монголии 1923–1925 гг. // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Сборник докладов IV международной научной конференции. 18–19 апреля 2019 г. Улан-Батор. СПб.– Улан-Батор. 2021ф. С. 149–159.

Носов Д. А. Языковая стажировка студента Л. С. Пучковского (1927–1930): от Кяхты до хребта Гурван-Сайхан // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений. Новосибирск, 2021б. С. 96–98.

Орлова К. В. Калмыки в Монголии (1920-е гг.) // Россия – Монголия: история, вызовы XXI века, перспективы (Международная научная конференция. 13–14 октября 2016. Москва). Тезисы докладов. М.: ИВ РАН, 2016. С. 50–51.

Очирова Н. Г. Цэрэн-Дорджи Номинханов (1898–1967) – первый доктор филологических наук Калмыкии // Вестник КИГИ РАН. 2008. № 2. С. 83–86.

Решетов А. М. Письма В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу (1925–1936 годы) (подготовка к печати, предисловие и примечания А. М. Решетова) // *Mongolica* – VI. Посвящается 150-летию со дня рождения А. М. Позднеева. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 96–113.

Сказки народов Востока. Отв. ред. А. К. Боровков. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 188 с.

Убушиева Д. В. Предания донских калмыков в фонде И. И. Попова // Фольклор: структура, типология, семиотика. М., 2019. № 2 (3). С. 122–135.

Яхонтова, Кульганек, Зорин, Носов 2019: Леонид Сергеевич Пучковский – жизненный путь и научное наследие (Н. С. Яхонтова, И. В. Кульганек, А. В. Зорин, Д. А. Носов); Приложения (подгот. к публ. Н. С. Яхонтова, И. В. Кульганек); Список трудов Л. С. Пучковского (сост. Н. С. Яхонтова) // *Mongolica*. Том XXII. 2019. № 1. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. С. 6–31.

Битва на Халхин-Голе в исторической памяти советской и постсоветской России

Кокоулин Владислав Геннадьевич

*Сибирский университет потребительской кооперации,
научно-исторический журнал «Сибирский Архив»*

Аннотация: Советско-монгольские отношения занимали важное место в исторической памяти в советский период. Связано это было с несколькими причинами: Монгольская Народная Республика была единственным (кроме СССР) социалистическим государством до окончания Второй мировой войны, дипломатические отношения и боевые действия на Халхин-Голе занимали важное место в исторической памяти о Великой Отечественной войне, на территории МНР находилась советская военная группировка, СССР был заинтересован в развитии экономического и политического сотрудничества с Монголией в период ухудшения отношений с Китайской Народной Республикой. В годы перестройки и постсоветской России произошло переформатирование исторической памяти относительно советского периода истории. В период перестройки место «процветающего советского народа» занял «страдающий советский народ», а источником страданий был объявлен сталинский режим, в постсоветский период источником страданий оказался уже весь советский период. В этих условиях происходило переписывание истории и придание иного значения ключевым событиям истории СССР в XX в. О многолетней дружбе СССР и МНР предпочли «забыть». В связи с попыткой реабилитации белого движения и его участников началось переписывание страниц истории Гражданской войны, в частности, поддержки Советской Россией Народно-революционного правительства Монголии, и возвеличивание панмонголистского движения и его активных участников из белого лагеря – атамана Г. М. Семенова и барона Р. Ф. Унгерна. Сражение на Халхин-Голе также подверглось масштабному забвению. В учебной литературе оно оказалось «в тени» новых значимых событий предвоенной внешней политики СССР как пакт Молотова – Риббентропа и советско-финской войны. В большинстве учебников о сражении на Халхин-Голе сообщается лишь о самом факте такого события, при этом остается непонятным, кто победил, почему это сражение произошло и какое влияние оно оказало на ход событий Второй мировой войны, в частности на то, что Япония воздерживалась

от активного участия в войне гитлеровской Германии против СССР. Происходившее в постсоветской России переписывание роли Г. К. Жукова в Великой Отечественной войне (ему приписывалось «безжалостное отношение к солдатам», «победа ценой огромных жертв» и т. п.) также сказалось на отношении к сражениям на Халхин-Голе. Некоторое изменение в политике исторической памяти о советско-монгольских отношениях намечилось в последние годы. Связано это было с 80-летней годовщиной событий на Халхин-Голе и визитом президента РФ В. В. Путина в Монголию. Хотя, судя по фильму «Халхин-Гол» (2019) прежние тенденции замалчивания этих событий сохраняются. В качестве источников для анализа взяты учебники истории, публицистика, выступления президента РФ В. В. Путина относительно советско-монгольских отношений, документальные и художественные кинофильмы, посвященные событиям на Халхин-Голе. Автор приходит к выводу, что историческая память о советско-монгольских отношениях в значительной степени зависит от основных тенденций официальной политики исторической памяти в позднесоветской и постсоветской России.

Ключевые слова: российско-монгольские отношения, битва на Халхин-Голе, историческая память, учебник истории, художественный фильм

Battle of Khalkhin-Gol in the historical memory of Soviet and post-Soviet Russia

Vladislav G. Kokoulin

*Siberian University of Consumer Cooperation,
scientific and historical journal «Siberian Archive»»*

Abstract: Soviet-Mongolian relations occupied an important place in historical memory during the Soviet period. This was due to several reasons: the Mongolian People's Republic was the only (except the USSR) socialist state before the end of World War II, diplomatic relations and fighting on Khalkhin-Gol occupied an important place in the historical memory of the Great Patriotic war, there was a Soviet military grouping on the territory of the MPR, the USSR was interested in developing economic and political cooperation with Mongolia during the deterioration of relations with the People's Republic of China. The years of Perestroika and post-Soviet Russia saw the reformatting of historical memory relative to the Soviet period of history. During the period of Perestroika, the place of the «prosperous Soviet people» was taken by the «suffering Soviet people», and the Stalinist regime was declared the source of suffering, in the post-Soviet period, the whole Soviet period turned out to be the source of suffering. Under these conditions, there was a rewriting of history and giving a different meaning to key events in the history of the USSR in the twentieth century. They preferred to «forget» about the long-term friendship of the USSR and the MPR. In connection with the attempt to

rehabilitate the white movement and its participants, the pages of the history of the Civil war began to be rewritten, in particular, the support of the People's Revolutionary Government of Mongolia by Soviet Russia, and the glorification of the pan-Mongol movement and its active participants from the white camp – ataman G. M. Semenov and baron R. F. Ungern. The battle of Khalkhin-Gol was also largely forgotten. In the educational literature, it turned out to be «in the shadow» of new significant events of the pre-war foreign policy of the USSR as the Molotov-Ribbentrop Pact and the Soviet-Finnish war. In most textbooks about the battle of Khalkhin-Gol, only the fact of such an event is reported, while it remains unclear who won, why this battle happened and what impact it had on the course of events of World War II, in particular, that Japan refrained from actively participating in the war of Nazi Germany against the USSR. The rewriting of G. K. Zhukov's role in the Great Patriotic war that took place in post-Soviet Russia (he was credited with «ruthless attitude towards soldiers», «victory at the cost of huge sacrifices», etc.) also affected the attitude to the battles on Khalkhin-Gol. Some change in the policy of historical memory of Soviet-Mongolian relations has been outlined in recent years. This was due to the 80th anniversary of the events on Khalkhin-Gol and the visit of Russian president Vladimir Putin to Mongolia. Although, judging by the film «Khalkhin-Gol» (2019), the previous trends of silencing these events persist. History textbooks, journalism, speeches of the president of the Russian Federation V. V. Putin on Soviet-Mongolian relations, documentaries and feature films devoted to the events on Khalkhin-Gol were taken as sources for analysis. The author comes to the conclusion that the historical memory of the Soviet-Mongolian relations largely depends on the main trends of the official policy of historical memory in late Soviet and post-Soviet Russia.

Key words: *Russian-Mongolian relations, battle of Khalkhin-Gol, historical memory, history textbook, feature film.*

Битвы на озере Хасан и Халхин-Голе в советское время занимали центральное место в политике исторической памяти о предвоенной международной политике СССР.

В учебнике истории под редакцией А. М. Панкратовой, изданном в 1952 г. [История СССР 1952] эти события излагаются в параграфе «Вторая пятилетка социализма» главы «Борьба за завершение строительства социализма и сталинская конституция», а в подпараграфе – «Начало Второй Мировой войны и мирная политика СССР». Все страны, о которых идет речь в этом подпараграфе, четко разделены на две группы: «поджигатели войны» и «жертвы». К поджигателям отнесены Италия, Япония и Германия, к жертвам – Китай, Абиссиния, Испания, Австрия,

Чехословакия. «Поджигателей войны» поддерживают, как показывают авторы учебника, «империалисты Англии, Франции и США», и лишь Советский Союз «неуклонно отстаивает дело мира».

Стиль изложения в учебнике событий на озере Хасан и Халхин-Гол заимствован из «Краткого курса ВКП(б)»: «В июле 1938 г. японское правительство предъявило Советскому Союзу необоснованную претензию на отторжение от СССР части территории <...> Советское правительство отклонило эти притязания. Тогда 29 июля, пользуясь туманной погодой, японский отряд неожиданно вторгся на советскую территорию и захватил сопку Безымянную у озера Хасан <...> С японцами было немало и русских белогвардейцев. Против японских войск были посланы отряды советских бомбардировщиков <...> Беспартийные прямо в окопах, в боевой обстановке, подавали заявления о вступлении в партию <...> Красная Армия разгромила японские части и изгнала их с советской территории» [История СССР 1952: 335].

О событиях на Халхин-Голе рассказывается еще более лаконично: «В 1939 г. японские части вторглись на территорию Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол. Согласно договору о взаимопомощи, заключенному между СССР и МНР в 1936 г., Советский Союз помог Монгольской Народной Республике. Части Красной Армии совместно с монгольской народно-революционной армией нанесли японским войскам сокрушительный удар и прогнали их с монгольской территории. СССР показал всему миру, как нерушимо выполняются нашей страной обязательства, которые она берет на себя по договорам с другими странами» [История СССР 1952: 336].

А далее идет рассказ о второй пятилетке, о «великой сталинской Конституции», третьей пятилетке и культурной революции. Таким образом, события на озере Хасан и Халхин-Гол не привязываются ни ко Второй мировой войне, ни к Великой Отечественной войне.

В дальнейшем в советских учебниках бои у озера Хасан и реки Халхин-Гол перемещаются в раздел, посвященный предвоенной

внешней политике СССР. Так, в учебнике «История СССР» под редакцией М. П. Кима [История СССР 1981] эти события излагаются после освещения действий советского правительства по обеспечению коллективной безопасности. Виновниками военных действий авторы учебника называют «западные державы», которые «предпринимали меры к тому, чтобы толкнуть империалистическую Японию на войну против СССР» [История СССР 1981: 14]. Предваряя рассказ о боях на Халхин-Голе, авторы учебника конкретизируют образ подстрекателей: империалисты Англии, Франции и США, а также гитлеровская Германия [История СССР 1981: 15]. В учебнике рассказывается о больших потерях японских агрессоров, но полностью умалчивается о потерях Красной Армии.

Что характерно, в обоих учебниках умалчивается о том, кто командовал войсками РККА в обоих конфликтах. Если в случае боев на озере Хасан умолчание о командующем Дальневосточным фронтом В. К. Блюхере было связано с тем, что он был репрессирован, то умолчание роли Г. К. Жукова в боях на Халхин-Голе в первом случае было связано с тем, что в послевоенной сталинской политике исторической памяти фигура Г. К. Жукова постепенно затушевывалась, а в последующие годы была связана с его опалой «за бонапартизм» в хрущевские времена.

В 1971 г. на киноэкраны вышел советско-монгольский художественный фильм «Слушайте нас на той стороне» режиссеров Бориса Ермолаева и Бадрахын Сумху. В фильме было показано, как небольшой отряд особого назначения должен был при помощи шумов из мощных репродукторов дезинформировать японцев о передвижениях советских и монгольских войск. Кроме того, отряд вел агитационную работу среди японских войск и мобилизованного в их ряды местного населения. В данном фильме присутствуют те же стереотипы, что и в учебниках. Так, на совещании в японском штабе начальник разведки докладывает: «Агентура приступила к действию. Используются русские эмигранты, устанавливаются ложные ориентиры, отравляются колодцы». В фильме показан Г. К. Жуков, который отсутствовал в учебниках истории

при освещении данной темы. Устами Жукова говорится о значении битвы на Халхин-Голе. Так, он доверительно говорит Х. Чойбалсану: «Я подумал, что то, что происходит на Халхин-Голе – это генеральная репетиция к большой войне, возможно, мировой».

* * *

В годы перестройки началось возвращение в историческую память стираемых в прежние годы имен репрессированных в сталинские годы полководцев и политических деятелей. Что касается боев у Хасана и на Халхин-Голе, то в учебнике истории 1989 г. [История СССР 1989] названы и В. К. Блюхер, и Г. К. Жуков, хотя весь текст об этих событиях излагается в небольшом абзаце в пункте «Втягивание в войну» параграфа «СССР в предвоенные годы» [История СССР 1989: 343, 344].

Несколько странная на первый взгляд трансформация этого сюжета и его места в освещении предвоенной политики СССР происходит в учебнике, который вышел в 1992 г., но написан был в основном с перестроечных позиций [История Отечества 1992]. В этом учебнике агрессивная политика Японии рассматривается только в связи с фашистской Германией, «империалисты США, Англии и Франции» из изложения сюжетов, связанных с боями на Халхин-Голе, полностью исчезают. Самое парадоксальное, но исчезает и сюжет, связанный с боями на озере Хасан. А поражение Японии в боях на Халхин-Голе связывается не только с успешными действиями советских и монгольских частей, но и с тем, что Япония «была шокирована заключением советско-германского пакта о ненападении», поскольку она рассчитывала на военные действия на Западе [История Отечества 1992: 9].

В начале 1990-х гг. официальная политика исторической памяти трансформирует фундаментальный исторический миф перестроечного периода о том, что все страдания советского народа и неудачи советского государства были связаны исключительно с личностью И. В. Сталина, который искажил «истинное ленинское учение»

и «чистые истоки социализма». Теперь виновником страданий советского народа была объявлена деятельность руководства Коммунистической партии и советского правительства.

В годы перестройки в отечественной историографии становится популярной теория тоталитаризма. Однако в то время как в научных дискуссиях преобладало умение видеть не только сходства тоталитарных режимов, но и их очевидные различия, в публицистике и в работах ряда историков различия минимизировались, а сходства, напротив, абсолютизировались. Наиболее яркое выражение эта тенденция нашла в учебнике двух историков из НГУ, которые распространили концепцию тоталитаризма на весь 70-летний период Советской власти, отождествив нацизм и коммунизм [История России 1996].

Изложение событий на озере Хасан и реке Халхин-Гол они поместили в параграф с характерным названием «В союзе с Гитлером». Само изложение этих событий в этом учебнике занимает всего несколько строк, из которых вообще непонятно – что конкретно произошло, и кто победил. Прочитируем соответствующий отрывок целиком: «Советский Союз в конце 30-х гг. попал в сложную ситуацию. На востоке на советские границы оказывала мощное давление Япония, проводившая агрессивную внешнюю политику. В 1938 г. на озере Хасан и в 1939 г. на реке Халхин-Гол конфликты из пограничных эпизодов разрослись до масштабного вооружённого столкновения» [История России 1996].

О намерениях авторов переложить вину на Советский Союз свидетельствует следующий за этим абзац: «Не без оснований Сталин опасался и Германии, агрессивность которой возрастала из-за непоследовательной политики как Англии и Франции, так и самого Советского Союза» [История России 1996].

В учебниках истории 1990-х гг. происходит возврат к той схеме изложения событий, которая была заложена в учебнике под редакцией А. М. Панкратовой в 1952 г. Так, в учебнике «История России. XX век», изданный в 1998 г., события на озере Хасан и реке Халхин-Гол отнесены в главу, освещающую индустриализацию

и сталинизм, равно как и советско-финскую войну. За ними следуют параграфы, посвященные «большому прорыву», «технологическому скачку» и «развивающей (так в тексте.— В. К.) диктатуре» [История России 1998].

Хотя авторы и рассказывают перед этим об агрессии Японии против Китая и поддержке Китая со стороны СССР, но события на озере Хасан и реке Халхин-Гол описываются не как свидетельство агрессивных намерений Японии, а как «вооруженные столкновения между частями Красной Армии и японской Квантунской армии». Продолжим чтение учебника и приведем целиком следующий пассаж: «Стороны пытались оказать политическое давление на противника и выяснить его военный потенциал. Ни один из противников не смог добиться существенного преимущества, хотя Красная Армия в обоих случаях значительно улучшила свое положение на границе» [История России 1998: 289].

На этом изложение событий заканчивается. Обратим внимание на характерную деталь, у авторов учебника есть две сражающиеся стороны и обе — «противники». А также нет победителей, как, впрочем, нет и самих сражений. И это не случайно. Переписывание советской истории в 1990-е гг. велось с откровенно антисоветских позиций, и даже очевидные победы Красной Армии сопровождались рассуждениями о громадных потерях и «большой крови». Характерно, что этот прием будет использоваться в политике исторической памяти и в 2000-е гг.

В 2000-е гг. наметились новые тенденции в официальной политике исторической памяти. Стал востребован концепт «патриотизма», а также указания на «руководящую роль церкви» в «духовном воспитании советских людей». Эти тенденции наряду с антисоветской направленностью встречаются в учебниках истории 2000-х гг. в самых причудливых сочетаниях в зависимости от вкусов авторов и их отнесенности к официальной, либеральной или даже монархической историографии, а также в зависимости от внешне- и внутривнутриполитической конъюнктуры в современной России.

Так, в учебнике профессоров МГУ, вышедшем в 2003 г. [Барсенков 2003], Япония вновь объявляется агрессором, за которой стояла, по мнению авторов учебника, Англия. Однако авторское изложение построено таким образом, что не ясно, что конкретно происходило и чем закончилось. Прочитаем соответствующий пассаж: «В 1938–1939 гг. японские войска совершали нападения на Монголию и СССР. Советским войскам пришлось отражать агрессию <...> Англия подогревала конфликт, обязуясь не препятствовать действиям Японии в Китае» [Барсенков 2003: 14].

В другом учебнике этого времени [Орлов 2005] авторы не только пишут об агрессии Японии, но и победах Красной Армии, которая «отбросила противника и восстановила государственную границу». Хотя прямо не говорится о значении победы Красной Армии, но дальнейшее сообщение о том, что советские дипломаты смогли добиться заключения с Японией пакта о нейтралитете, свидетельствует о том, что авторы рассматривают этот конфликт в контексте дальнейших событий Великой Отечественной войны, когда не пришлось воевать на два фронта [Орлов 2005: 501, 502]. Аналогичным образом события излагаются и комментируются в школьном учебнике истории, выпущенном в 2006 г. [Данилов 2006: 201, 203]. Эта линия в освещении событий на озере Хасан и реке Халхин-Гол закрепились в последующих учебниках истории.

В документальных и художественных кинофильмах также происходит переформатирование исторической памяти о боях на Халхин-Голе. Так, документальный фильм «Тайна Халхин-Гола» сопровождается следующим подзаголовком: «Сказки маршала Жукова. Правда о том, как воевала Красная Армия» и далее следует сопровождающийся видеорядом пересказ книги В. Суворова «Тень Победы» о том, что Жуков воевал «кровью», заваливая врага «трупам», а количество вынесенных Жуковым смертных приговоров «в определенные годы превосходит Сталина». В фильме приводится таблица соотношения сил, из которой следует, что по численности солдат Красная Армия на Халхин-Голе превосходила японцев в три раза, по численности танков – в 7

раз, бронев автомобилей – в 20, самолетов – в 2,5 и артиллерийских орудий – в 2 раза. Однако эта перестроенная версия событий на Халхин-Голе постепенно смягчалась, но обрастала деталями. В итоге в 2019 г. к 80-летию событий была показана кинокартина «Подвиг на Халхин-Голе» (видеоряд, комментарии историков и военных, в том числе министра обороны РФ С. К. Шойгу), в которой возвращаются многие советские оценки этого события, в том числе и о значении победы на Халхин-Голе для СССР. Правда, появляются и новые «детали», а в реальности – постсоветские штампы о «кровавых гэбистах». В данном фильме гэбисты проверяют и контролируют Жукова.

* * *

Официальная политика памяти о событиях на Халхин-Голе содержится в выступлениях президентов РФ Д. А. Медведева и В. В. Путина.

25 и 26 августа 2009 г. президент РФ Д. А. Медведев посетил Монголию с официальным визитом. В своем выступлении он разъяснял: «Разгром Квантунской армии был сокрушительным, мы отбили все атаки численно превосходивших сил противника. Наши армии доказали, что даже такого врага можно одолеть, и не только силой оружия, но и силой боевого братства <...> Эта победа изменила расклад в международной политике, повлияла на решение Японии не вступать в войну против Советского Союза на стороне фашистской Германии, а в 1941 г. позволила перебросить с Дальнего Востока к Москве крупные силы войск и именно эти войска сыграли важнейшую роль в обороне столицы» [https://actualcomment.ru/70_let_khalkhin_golu.html].

Корреспондент газеты «Коммерсантъ» комментировал: «Монгольские торжества позволили российскому президенту обнародовать своеобразный ответ Европарламенту и Парламентской ассамблее ОБСЕ, предложившей объявить «днем памяти жертв сталинизма и нацизма» 23 августа (в этот день в 1939 г. был подписан

пакт Молотова-Риббентропа). Примечательно, что европарламентарии не ставят под сомнение факт победы СССР во Второй мировой войне. Тем не менее российское руководство предпочитает говорить в общем «о недопустимости фальсификации итогов», а непосредственно о пакте никак не высказывается» [Коммерсант 2009: 5].

В очередную годовщину событий на Халхин-Голе 3 сентября 2019 г. Монголию посетил другой российский президент В. В. Путин. В интервью газете «Өдрийн сонин» он разъяснял: «Победа на Халхин-Голе имела большое военно-политическое значение. Она стала одной из основных причин отказа Японии от нападения на Советский Союз в 1941 г., замедлила её вступление во Вторую мировую войну» [<https://regnum.ru/news/polit/2706218.html>].

Как мы видим, официальная политика исторической памяти вновь возвращается к советским оценкам событий, но делается ли это под влиянием «ностальгии по советскому», которая постепенно нарастает в 2000-е гг., или под влиянием необходимости демонстрировать «патриотизм», решить трудно. Однако, если мы обратимся к другому документу, вышедшему к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, автором которого значится В. В. Путин, то обнаружим лишь упоминание о битве на Халхин-Голе в связи с подписанием пакта Молотова-Риббентропа, но никаких оценок данной битвы там не содержится [Путин 2020: 14].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что политика исторической памяти о событиях на озере Хасан и Халхин-Голе в постсоветской России носит «размытый» характер, она постоянно переформируется под текущие политические и идеологические потребности, и даже возвращение к риторике советского времени вовсе не означает, скорее всего, лишь временный манёвр в официальной политике исторической памяти, вынужденной учитывать существующие в современном российском обществе настроения.

Литература

Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002: Учебное пособие. М.: Аспект-пресс, 2003. 540 с.

Данилов А. А., Косулина Л. Г., Брандт М. Ю. История России, XX – начало XXI в.: учебник для 9 кл. общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 2006. 381 с.

История ВКП(б). М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1938. 352 с.

История Отечества: Учебные для 11 кл. сред. шк. / В. П. Островский, В. И. Старцев, Б. А. Старков, Г. М. Смирнов. М.: Просвещение, 1992. 287 с.

История России. XX век / А. Н. Боханов, М. М. Горинов, В. П. Дмитренко и др. М.: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. 608 с.

История России с 1917 года до наших дней: Учеб. книга / В. А. Исупов, И. С. Кузнецов. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996. 185 с.

История СССР: учебник для 10 класса средней школы / под ред. А. М. Панкратовой. М.: Учпедгиз, 1952. 424 с.

История СССР (1938–1978 гг.): учебник для 10 класса / под ред. М. П. Кима. М.: Просвещение, 1981. 255 с.

История СССР: учебник для 10 класса средней школы / под ред. Ю. И. Кораблёва. М.: Просвещение, 1989. 351 с.

Коммерсантъ. 2009. 27 авг. № 157.

Орлов А. С., Полунов А. Ю., Терещенко Ю. Я. Основы курса истории России: Учеб. пособие. М.: Простор, 2005. 638 с.

Путин В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. М., 2020.

Интернет-ресурсы

URL: https://actualcomment.ru/70_let_khalkhin_golu.html (дата обращения 12.08.2021).

URL: <https://regnum.ru/news/polit/2706218.html> (дата обращения 12.08.2021).

Помощь Монголии Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны (по материалам Российского государственного архива кинофотодокументов)

Бойкова Елена Владимировна

Институт востоковедения РАН

***Аннотация:** Статья посвящена взаимодействию СССР и МНР в годы Великой Отечественной войны, материальной помощи Монголии Советскому Союзу и отражению этой темы в кино- и фотоматериалах материалах, хранящихся в Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД). В РГАКФД хранятся четыре документальных кинофильма, посвященных этой теме, которые являются ценным визуальным архивным материалом и показывают вклад Монголии в победу Советского Союза над фашистской Германией.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, советско-монгольское сотрудничество, помощь Монголии Советскому Союзу, советские кино- и фотоматериалы в Российском государственном архиве кинофотодокументов.*

Mongolia's assistance to the Soviet Union during the Great Patriotic War (on the materials of the Russian State Documentary Film and Photo Archive)

Elena V. Boykova

Institute of Oriental Studies of the RAS

***Abstract:** The paper deals with the interaction between the USSR and the MPR during the Great Patriotic War; the material assistance of Mongolia to the Soviet Union and the reflection of this topic in film and photographic materials kept in the Russian State Documentary Film and Photo Archive (RSDFPA). The RSDFPA has four documentaries dedicated to this topic, which are valuable visual archival material and show Mongolia's contribution to the victory of the Soviet Union over Nazi Germany.*

Key words: *the Great Patriotic War, Soviet-Mongolian cooperation, Mongolian assistance to the Soviet Union, Soviet film and photographic materials in the Russian State Documentary Film and Photo Archive.*

После начала Великой Отечественной войны Монголия сразу же встала на сторону Советского Союза в его борьбе против фашистской Германии. 22 июня 1941 г., в день нападения немецких войск на Советский Союз, руководство Монгольской Народной Республики официально заявило о том, что страна будет верна обязательствам, принятым на себя по Протоколу о взаимной помощи, заключенному между СССР и МНР 12 марта 1936 г. [Документы внешней политики СССР. Т. 19. 1974: 136–137].

В день начала войны, 22 июня 1941 г., Президиум Малого Хурала, Совет министров МНР и ЦК МНРП приняли постановление «О вероломном нападении фашистской Германии на СССР», в котором заверили народы Советского Союза, что они «окажут необходимую помощь СССР в ходе войны против германского фашизма» [Советско-монгольские отношения. Т. 2. Ч. 1. 1979: 2].

С первых дней Отечественной войны Монголия видела свою главную задачу в оказании помощи Советскому Союзу. Монгольская экономика была переведена на военный режим, в стране было возвращено движение по оказанию добровольной помощи Красной Армии. Как и в Советском Союзе, в Монголии стал очень популярным лозунг «Все для фронта, все для Победы!»; под этим лозунгом трудились советские граждане в тылу и монгольские граждане.

В сентябре 1941 г. в Улан-Баторе при Совете Министров МНР была создана Центральная комиссия, координировавшая работу специального фонда, задачей которого была организация отправки собранных в Монголии подарков для красноармейцев на фронт [Хишигт 2005: 54]. В каждом аймаке, на предприятиях, в государственных учреждениях, в учебных заведениях были созданы местные комиссии. Хотя Монголия не принимала участия в сражениях Великой Отечественной войны, фактически она стала глубоким тылом Советского Союза, и делала все возможное, чтобы

поддержать фронт [<http://pero-altay.ru/%20istoriya/363-mongoliya-krasnoj-armii-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-1941-1945gg>].

Был создан Фонд помощи Красной Армии, в который жители Монголии вносили деньги, золотые и серебряные изделия, другие ценности, теплую одежду, продукты питания. Работа по сбору средств для помощи проводилась в Монголии под лозунгом «В стране не должно быть ни одного человека, который не внес бы личный вклад в фонд помощи Красной Армии» [Цэнд-Аюуш Батбаяр 2013: 284]. С июля 1941 г. по июль 1942 г. монгольские граждане добровольно внесли более 7 млн 705 тыс. тугриков в фонд помощи Красной Армии. С декабря 1942 г. по март 1943 г. в фонд поступило 8,3 млн тугриков наличными [История Монголии. XX век. 2007: 171].

В аймаках и сомонах велась заготовка пушнины и мяса. В столице и в худонах было создано несколько сотен мастерских, в которых шили теплую одежду для бойцов Красной Армии. Монгольские граждане добровольно сдавали кровь для раненых на фронтах войны красноармейцев. На многих предприятиях рабочие отказывались от выходных дней и очередных отпусков, трудились сверхурочно, перевыполняли планы, а выпущенную продукцию и свои зарплаты передавали в Фонд помощи.

С 1941 по 1945 г. из МНР в Советский Союз было отправлено десять эшелонов с подарками: теплой одеждой (полушубки, меховые шапки, валенки, носки, рукавицы и др.), продуктовыми посылками, личными подарками бойцам Красной Армии от монгольских граждан (всего на сумму более 25,3 млн тугриков) [Монголын ард түмэн: Бүхнийг фронтод, бүгдийг ялалтын төлөө 2015: 6, 10–11]. Первый такой эшелон с теплой одеждой и подарками для бойцов и командиров Красной Армии был отправлен в Советский Союз в октябре 1941 г. – к 24-й годовщине Октябрьской социалистической революции. На фронт было доставлено 15 тыс. полушубков, столько же меховых телогреек, полторы тысячи пар валенок, 6 000 шерстяных свитеров, меховые рукавицы и жилеты, одеяла из выделанной овчины, продовольственные товары, а также

индивидуальные подарки красноармейцам (на общую сумму 587 тыс. тугриков). Второй эшелон с подарками и продовольствием был отправлен из Монголии в феврале 1942 г. Он состоял из 37 вагонов, загруженных продовольствием (мясо, колбаса, хлебобулочные изделия, масло, водка, различные консервы и кондитерские изделия, папиросы) и теплой одеждой [БНМАУ, Зөвлөлт эх орны дайны үед 1954: 68]. Делегация выехала на Западный фронт, где встретила с командующим Г. К. Жуковым, посетила расположение воинских частей, а также освобожденные от фашистов города [Российско-монгольское военное сотрудничество 2008: 116]. В декабре 1942 г. делегация во главе с премьер-министром Монголии маршалом Х. Чойбалсаном привезла подарки, размещавшиеся в 215 вагонах. Члены делегации выезжали на Центральный фронт, в расположение 50-й и 16-й армий.

Одной из важнейших форм помощи Монголии фронту была закупка у населения и безвозмездная передача лошадей для нужд Красной Армии. Значение такой помощи трудно переоценить, так как кавалерия играла особую роль в Великой Отечественной войне. В первый год войны СССР потерял почти половину лошадиного поголовья из-за стремительного наступления противника [<https://topwar.ru/74935-velikaya-otechestvennaya-poslednyaya-voyna-kavalerii.html>]. Первые поставки монгольских лошадей начались уже в 1941 г., а с марта 1942 г. в Монголии велась плановая заготовка лошадей для СССР. Летом 1942 г. монгольское правительство закупило более 100 тыс. лошадей, которые затем были переданы в Советский Союз; свыше 6 тыс. лошадей были безвозмездно подарены аратами.

В 1944 г. Красной Армии было подарено 10 тыс. лошадей. Всего же в 1941–1945 гг. в Советский Союз было поставлено более 500 тыс. лошадей; они поставлялись по условной цене, в основном взаимозачетом за монгольские долги по предоставленным Советским Союзом в предвоенные годы займам. Кроме того, за четыре года войны монгольские араты передали более 32 тыс. лошадей в качестве подарков [Монгол улсын түүх. Т. 5. 2003: 233].

После окончания Отечественной войны Монголия направила в Советский Союз 40 тыс. голов скота и передала более 5 млн тугриков для восстановления экономики в районах, освобожденных от немецкой оккупации. В феврале 1946 г. монгольские граждане перевели более 5 млн тугриков в фонд помощи советским гражданам – жертвам войны [Цаплин 1964: 27].

Важную роль в снабжении Красной Армии и тыла в годы войны сыграли поставки продовольствия, в частности, мяса из Монголии. Всего его было отправлено около 500 тыс. т. Заметим, что в результате этих крупных поставок мяса в 1942 г. в Монголии резко снизилось поголовье скота, а зимой 1944 г. в стране начался голод.

Поставки из Монголии в Советский Союз меховых полушубков, меховых шапок, рукавиц и валенок начались осенью 1941 г. К 7 ноября 1941 г. монгольским зимним обмундированием были полностью оснащены несколько советских пехотных дивизий из резервов, готовившихся к контрнаступлению под Москвой.

В 1942 г. был организован сбор средств для формирования танковой бригады «Революционная Монголия». В Банк внешней торговли СССР на постройку танковой бригады было передано 300 кг золота, 100 тыс. долл. и 2,5 млн тугриков, собранных жителями Монголии [Российско-монгольское военное сотрудничество 2008: 119], что следует рассматривать как важный вклад монгольского народа в дело разгрома фашистской Германии.

В 1943 г. на 26-й сессии Малого хурала МНР было принято решение организовать сбор средств для создания авиаэскадрильи «Монгольский арат» и передать ее в дар Красной Армии. К июлю 1943 г. из личных средств монгольских граждан было собрано 2 млн тугриков, которые были переданы советскому руководству для постройки боевых самолетов. 25 сентября 1943 г. на полевом аэродроме в районе станции Вязовая Смоленской области авиаэскадрилья, в состав которой входило 12 боевых самолетов «Ла-5», была торжественно передана на вооружение Красной Армии. Монгольское правительство полностью взяло на себя содержание личного состава танковой бригады «Революционная Монголия»

и эскадрильи «Монгольский арат»; кроме того, оно трижды дополнительно переводило по 2 млн тугриков командирам и бойцам этих подразделений на вооружение и содержание [Хишигт 2005: 60].

Монгольский народ, мобилизовав все свои ресурсы и возможности, за четыре года войны собрал и передал Советскому Союзу средства, равные трехлетнему бюджету своей страны. За весь военный период Монголия оказала Красной Армии и советскому народу материальную помощь на сумму 435 млн тугриков [Монгол улсын түүх. Т. 5. 2003: 233]. По оценке монгольского историка Н. Хишигт, общая безвозмездная помощь Советскому Союзу составляет 65 770 060 тугриков (86 421 859 руб.) [Хишигт 2011: 29]. Помощь Монголии была высоко оценена руководством СССР и советским народом. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 11 июня 1944 г. за заслуги в деле организации помощи советскому народу наград были удостоены монгольские государственные, партийные и общественные деятели. Орден Ленина был вручен премьер-министру маршалу Х. Чойбалсану, Генеральному секретарю ЦК МНРП Ю. Цэдэнбалу, Председателю Президиума Малого хурала Г. Бумцэнду, орден Трудового Красного Знамени – секретарям ЦК МНРП Ч. Сурэнжаву, С. Янжме, Д. Дамбе, а также заместителю председателя совета министров МНР С. Лувсану, орден Красной Звезды – Ж. Чойдогу, Б. Тогмиду, Ж. Аюурзане.

Огромная помощь, оказанная Монголией Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны, нашла отражение в кино- и фотоматериалах, хранящихся в Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД) в Красногорске. Практически каждое крупное событие в российско-монгольских отношениях военного периода, касающееся пребывания монгольских делегаций, сопровождавших эшелоны с подарками, было заснято на киноленту. Эти архивные материалы составляют несколько единиц хранения в РГАКФД. Среди киноматериалов это документальные фильмы «Монголия – фронту» (1943) (режиссер М. Славинская, кинооператор В. Придорогин), «Делегация МНР на фронте» (1943), «Монгольский народ – Красной Армии»

(1943) (режиссер монтажа И. Сеткина, кинооператоры И. Беляков, С. Гусев, А. Лебедев, С. Бурт, И. Сокольников), «Передача подарков для Советской Армии от МНР» (1945) и отдельные материалы для кинолетописи. Фильмы были сняты на Центральной студии документальных фильмов; в их создании принимали участие также кинооператоры студии Монголкино. Именно благодаря их съемкам в фильмах показан героический труд граждан Монголии в годы войны.

Особый интерес представляют киноматериалы, запечатлевшие передачу танковой колонны «Революционная Монголия», подаренной Монгольской Народной Республикой Красной Армии. Не менее интересны съемки монгольских государственных, партийных и общественных деятелей, возглавлявших монгольские делегации – Х. Чойбалсана, С. Янжмы, Ю. Цеденбала, С. Лувсана, Г. Бумцэнда, Ч. Сурэнжава, Б. Ширэндыба и др.

Архив фотоматериалов насчитывает чуть более 40 единиц хранения. На фотографиях запечатлены отдельные моменты посещения фронтов Отечественной войны членами монгольских делегаций.

Хранящиеся в Российском государственном архиве кинофотодокументов материалы, посвященные помощи Монголии Советскому Союзу в годы Отечественной войны, являются важной частью советской фото- и кинодокументалистики военного времени. Эти материалы представляют собой ценный визуальный архивный материал, посвященный советско-монгольскому взаимодействию в годы войны и вкладу Монголии в победу Советского Союза над фашистской Германией.

Монгольская армия не принимала непосредственного участия в сражениях на советско-германском фронте, однако ее помощь Красной Армии можно рассматривать как опосредствованное участие во Второй мировой войне в Европе на стороне антигитлеровской коалиции.

Литература

БНМАУ, Зөвлөлт эх орны дайны үед. Баримт бичгийн эмхтгэл [МНР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Сборник документов]. Улаанбаатар: б/и, 1954. 247 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 19. М.: Политиздат, 1974. 823 с.

История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сборник документов. Ч. 2. М.: Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 326 с.

Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1. М.: «Международные отношения» – Улан-Батор: Улсын хэвлэлийн газар, 1979. 560 с.

Хишигт Н. Движение монгольского народа за помощь фронту Великой Отечественной войны // Вторая мировая война и Монголия. Улан-Батор: б/и, 2005. С. 52–66.

Хишигт Н. Помощь монгольского народа Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны // Монголия во Второй мировой войне: Фотоальбом. Иркутск: Оттиск, 2011. С. 15–34.

Цаплин Ф. С. Советско-монгольское содружество в годы Второй мировой войны. М.: «Наука», 1964. 84 с.

Цэнд-Аюуш Батбаяр. Опыт сотрудничества Монголии и Советского Союза в годы Великой Отечественной войны // Преподаватель XXI век. 2013. № 2. С. 283–288.

Монгол улсын түүх [История Монголии]. Т. 5. Улаанбаатар: АМОН, 2003. 502 с. Монголын ард түмэн: Бүхнийг фронтод, бүгдийг ялалтын төлөө (Монгольский народ: Все для фронта, все для победы / Mongolian people: All for front and all for victory). Составители: Н. Хишигт, Ч. Дашдаваа, Ч. Болд, Ч. Баасанжаргал. Улаанбаатар: «Мөнхийн Үсэг» ХХК, 2015. 432 с.

Интернет ресурсы

Волынец А. Великая Отечественная – последняя война кавалерии URL: // <https://topwar.ru/74935-velikaya-otechestvennaya-poslednyaya-voyna-kavalerii.html> (дата обращения 12.06.2022).

Цэдэв Н., Мунхбат Д. Монголия – Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) URL: // <http://pero-altay.ru/%20istoriya/363-mongoliya-krasnoj-armii-v-gody-velikoj-otechestvennojvojny-1941-1945gg> (дата обращения 12.06.2022).

Тема Великой Отечественной войны в монгольской литературе

Цеденова Светлана Николаевна

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы разработки темы Великой Отечественной войны в разных жанрах монгольской литературы. Военная тема стала одной из главных на страницах периодической печати. Сводки, очерки, заметки о военных событиях, сборе помощи для фронта, подвигах солдат публикуются на страницах газет «Үнэн» («Правда»), «Улан одон» («Красная звезда»). Тема войны занимала большое место в творчестве таких писателей и поэтов как Ц. Дамдинсүрэн, Ч. Лодойдамба, Д. Цэвэгмид, М. Цэдэндорж и др. В документальной и художественной прозе, в лирических произведениях монгольские писатели разрабатывали данную тематику. Теме войны посвящены романы Ц. Цэдэнжава «Степные барханы» (Талын манхан), Н. Банзрагча «Халхин гол» (Халхын гол), Ж. Лодоя «Война» (Дайн), С. Даишоорова «Певучие милые барханы» (Дуут хонгор манхан) и др. Трагическая память войны стала памятью сердца, определяющей живую связь времени; войны и мира. Произведения о войне монгольских писателей – незабываемые страницы духовной биографии народа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная тема, очерк, проза, поэзия, арат, помощь, героизм, дружба.

The theme of the Great Patriotic War in Mongolian literature

Svetlana N. Tsedenova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

Abstract: The article deals with the development of the theme of the Great Patriotic War in different genres of Mongolian literature. A large place in the work of Ts. Damdinsuren is occupied by the theme of war. In documentary and fiction prose, in lyrical works, Mongolian writers developed this theme.

Key words: Great Patriotic War, military theme, essay, prose, poetry, arat, help, heroism, friendship.

Тема Великой Отечественной войны в монгольской литературе начала разрабатываться в первые месяцы войны. Война вызвала в Монголии готовность помочь советскому народу защитить свою свободу и независимость, в стране начинается всенародное движение за оказание помощи фронту: сбор средств и необходимых предметов Красной Армии, отправка лошадей, скота.

Великая Отечественная война советского народа для монголов стала общим испытанием. Чувства монгольского народа нашли свое выражение в произведениях литературы военного времени. Связанный с советским народом узами давнего братства, выдержавшего тяжкие испытания, монгольские араты остро переживали каждое событие на фронтах Отечественной войны.

Военная тема стала одной из главных на страницах периодической печати. Сводки, очерки, заметки о военных событиях, сборе помощи для фронта, подвигах солдат публикуются на страницах газет «Үнэн» («Правда»), «Улан одон» («Красная звезда»).

В творчестве выдающегося ученого, одного из основоположников современной монгольской литературы Цэндийн Дамдинсурэна тема войны занимает значительное место. С 1942 по 1946 гг. Ц. Дамдинсурэн работал главным редактором центральной газеты «Үнэн», на страницах которой публиковал свои статьи, очерки, заметки. В эти годы выходят очерки «Оба мои сыновья» (Хоёула миний хүү), «Из дневных заметок военного времени» (Дайны үеийн өдрийн тэмдэглэлээс), «Один день на фронте» (Фронт дээр нэг өдөр), «Народная победа» (Ардын ялалт) и др.

В очерке «Из дневных заметок военного времени» (Дайны үеийн өдрийн тэмдэглэлээс) Ц. Дамдинсурэн пишет, что известие о начале Великой Отечественной войны застало его на отдыхе. Все отдохавшие выразили готовность прервать отдых, вернуться к работе и внести посильную помощь Красной Армии в борьбе с фашистами: *Нөхөд минь! Тэнд манай дотно найрамдалт Зөвлөлт улсад Германы фашистууд довтлод байхад бид энд зүүгээр амарч хэвтэж болох уу? Би амралтаа дуусахаас өмнө ажилда орьё. Нэг зуун төгрөгийг Зөвлөлтийн улан армид тусалъя. Энэ өвгөний санал*

бол бидэнд их тохирч «Зөв, зөв» гэж хаширалдав (Друзья! Разве можно нам спокойно отдыхать здесь, когда на дружественный Советский Союз напала фашистская Германия? Я прерываю свой отдых и возвращаюсь к работе. Хоть ста тугриками помогу Советской Красной Армии. Нам всем понравилась идея этого старика, и все закричали «Правильно, правильно!») [Дамдинсурэн 1969: 549]. В декабре 1942 г. Ц. Дамдинсурэн в составе монгольской делегации участвовал в доставке гуманитарной помощи Советскому Союзу. Писатель подробно описывает события, встречи на передовой. Так, в освобожденном от фашистов селе Федюково автор жил в избе одинокой старушки и обратил внимание на голые ветки комнатных цветов. И она рассказала, что фашисты, когда хоронили убитых солдат, ходили по избам и обрывали цветы для могил, а для сельчан это было хорошим знаком. Автор подробно описывает посещение дивизии имени генерала Панфилова, куда привезли подарки от монгольского народа. Солдат, получивший в подарок сапоги, поблагодарил и сказал, что наденет эти сапоги в Берлине: *Монголын ард түмний илгээсэн бэлгийг түгээж өглөө. Нэг цэрэгт гутал бэлгэлсэнд түүний хэлсэн нь: « Монголы народ түмэнд баяр талархлаа хүргэе. Энэ гуталыг би Берлинд орохдоо өмснөө гэв (Раздали подарки от монгольского народа. Один солдат, получивший в подарок сапоги, сказал: « Большое спасибо монгольскому народу. Я надену эти сапоги, когда будем входить в Берлин»* [Дамдинсурэн 1969: 550]. В очерке «Один день на фронте» (Фронт дээр нэг өдөр) Ц. Дамдинсурэн описывает картины жизни передовой, куда монгольская делегация на 12 санях привезла помощь. Командир артиллерийского полка Кемилов, рассказывая о своем воинском пути, вспоминает о совместных с монгольской армией боях: *«Монгол улсад дайсан халдах цагт би монгол цэрэгтэй хамт баялдаж явсан хүн. Монголын морин цэрэг манай их буу хоёрын хүч хавсраад ирэхээр бахтай болдог юм. Миний төрсөн газар Молдов дайсны гарт орсон. Эхнэр хүүхэд хоёр дайны газар үрэгдсэн билээ. Хайрт нөхрийнхөө өшөөг харь дайснаас авч төрөлх нутгаа цэвэрлэх цаг холгүй. Энэ ажилд та нар тусалж байгаад*

бид их байрлна гэв (Когда враг напал на Монголию, я воевал вместе с монгольскими солдатами. Если силы монгольской конницы соединяются с нашей артиллерией, это могучая сила. Моя родина Молдавия в руках врага, жена и дети погибли. Скоро отомстим за родных и очистим родную землю от врагов. Мы очень рады, что вы помогаете нам в этой борьбе) [Дамдинсурэн 1969: 555].

В очерке «Оба мои сыновья» (Хоёулаа миний хүү) автор описывает одно из событий зимы 1943 г., когда по делам редакции в одном отдаленном сомоне встретился с караванщиком, собиравшим помощь для Красной Армии. С большой теплотой автор рассказывает об аратах, собравшихся послушать новости с фронта, приносят карту, на которой отмечены освобожденные города. Сын хозяина юрты Өлзий служит, и отец с гордостью показывает гостям фото, на котором изображены русский и монгол, рассказчик шутливо спросил: *«Танай хүү аль нь вэ гэж тоглон асуувал Дулам хэлэв: Хоёулаа миний хүү дээ. Орос-монгол ялгаагүй. Энэ Орос миний хүүтэй хамт Халхын голд байлдаж явсан, миний хүү байлданы газар шархдаад байхад энэ хүү үүрч ирсэн юм. Одоо энэ орос хүүтэй миний хүү Өлзий захидлаар үргэлж харилцаж байдаг юм гэнэ билээ гэв»* (А который ваш сын?, – когда шутливо спросил я, Дулма ответила – Оба мои сыновья. Нет разницы монгол или русский. Этот русский с моим сыном на Халхин голе воевал, а когда моего сына ранило, он на себе его вынес. С этим русским парнем мой Өлзий постоянно переписывается) [Дамдинсурэн 1969: 283].

Старик Дамба вспоминает свою молодость, показывает саблю, подаренную советским командиром в 1920-е годы, и говорит: *«Зөвлөлт оронд туслах хэрэгтэй. Орос нөхөддөө туслах хэрэгтэй гэж өөрсдийн бэлгэлсэн бэлгийг тэмээ хөтлөгч хүүд шилжүүлж өгнө. Түүний дотор яман дах, хургэн бээлий, шар тос зэрэг нилээд юм байна. Зэргэлдээ гэрийн бүсгүйчүүд бас дээл, арьс зэрэг бэлгийгавчирч өгснийг, тэмээн ячаа хөтөлж ирсэн хүү ачаад явж одов. Өвгөн Зөвлөлтийн цэрэгт туслах гэсэн хоёр морио барихаар адуундаа мордов»* (Советскому Союзу надо помочь. Русским друзьям надо помочь. С этими словами он вручил караванщику свои

подарки: козью доху, меховые рукавицы, топлёное масло и еще много вещей. Девушки из соседних юрт тоже принесли подарки. Старик отправился в табун, чтобы пригнать двух лошадей в подарок Красной Армии» [Дамдинсурэн 1969: 283].

Именно в годы Великой Отечественной войны Ц. Дамдинсурэн создавал образы солдат, простых аратов, показал реальные события и описал действительность, виденную и изученную именно им. Это помогало не только людям того времени, но и помогает современникам увидеть войну и помощь монгольского народа. И это очень важно, так как никакой архивный документ не может сохранить для потомства и сотой доли того, что сумел запечатлеть в своих очерках автор.

В лирике Ц. Дамдинсурэна тема войны раскрывается в стихотворениях и поэмах «Полярная звезда» (Алтан Гадас), «Песня о великом друге» (Агуу их нөхрийн тухай дуу), «Магтал богатырям Гэсэра» (Гэсэрийн баатрын магтаал), «Конный отряд» (Морьт отряд), «Танкист» (Танкч), «Благопожелание советскому народу» (Зөвлөлтийн ард түмэнд зориулсан ерөөл), «Крепкая связь» (Бат холбоо), «Новогоднее благопожелание» (Шинэ жилийн ерөөл), «Благопожелание на 50-летие маршала Чойбалсана» (Маршал Чойбалсангийн тавин насны ойд зориулсан ерөөл), «Бьем в барабаны Победы» (Ялалтын хэнхэргийг цохилцье) и др.

И в будни, и в праздники не забывали монголы о кровопролитных боях в России, были готовы в любой момент разделить с советскими братьями тяжелые испытания: «Өмөг Зөвлөлт улсын хийж байгаа дайн / Өөрийн эрхгүй сэтгэл дотор төрнө / Орхон мөрний усан дээр / Гялзгаж байгаа цасыг харахад, Днепр мөрний мөсөн дээр / Улайж байгаа цусны дусал / Ард бүхний сэтгэлд / Аргагүй дурсагдан орно» (И невольны к нам на сердце / Приходят думы о войне советского народа / Для Монголии Россия – драгоценная сестра / Снег искрится на Орхоне, / Но простой народ отсюда видит / Как забрызган алой кровью / Чистый снег на льду Днепра) [Дамдинсурэн 1969: 104]. Чувством сыновней любви, болью за страдания советских людей проникнуто стихотворение Ц. Дамдинсурэна «Полярная

звезда» (Алтан гадас), написанное сразу после начала войны. С полярной звездой поэт сравнивает Ленинград – город революции, открывший путь свободы и равенства многим «блуждавшим в темной ночи странам». Поэт обращается к дорогим его сердцу ленинградцам: *«Хөх тэнгэрийн од юм / Нөгөө Алтан гас нь / Ленинград хот юм / Гэтэл харин сайхан / Гэрэлт сайхан одыг / Хэсэг үүл хаах мэт / Хэрцгий дайсан халдаж / Хувьсгалын голомтыг самардахаар / Хулгайч гараа сарвайж / Дэлхийн Алтан одонд / Тэсрэг бөмбөг хаяж байна./ Агаарын Алтан гадас / Ашид мөнх гялалзах мэт / Длхийн Алтан гадас / Дэлгэрч мөнх мандана»* (Одна звезда блистает в небе, / Где все созвездия горят./ Звезда Полярная земная / Прекрасный город Ленинград./ Но ночью летней и прозрачной/ Звезду, горящую светло, / Врагов жестоких нападение / Как тучею заволокло. / Летят пылающие бомбы / Из вороватых подлых рук, / Чтобы разрушить, уничтожить / Обитель славы и наук./ Краса земной звезды Полярной / Не будет сломлена врагом,/ Покуда светится другая/ Звезда на небе голубом) [Дамдинсурэн 1969: 70–71]. За стихотворением «Полярная звезда» последовало поэтическое благопожелание советскому народу «Благопожелание советскому народу» (Зөвлөлтий ард түмэнд зориулсан ерөөл). «Благопожелание» было написано в тяжкие для советской страны время – во время кровопролитных боев на фронтах войны. Его строки наполнены любовью к своей отчизне и соседней стране советов, которая выражена в истинно монгольской образной манере и передана с помощью традиционного ёрола, богатого разнообразием ритма стихов. Строки будто отлиты из драгоценного металла, каждое слово образно и многозначно: *«Өргөн Монгол нутаг минь / Өвс усаар гандвал / Өтгөн сүрэг мал минь / Өл хоолоор дутвал / Өрнө умрын завсраас / Өлзийт үүл гарч / Өгөөмөр бороо орж / Өнтэй цаг болоод / Ангасан тал нутаг минь / Амьдарч сэргэн цэцгэрнээ* (Когда высыхают травы / В широких степях монгольских, / Когда стада, голодая, / Бредут по пастбищам скудным, / Приходит вдруг благодатный / Север-западный ветер, / Несет облака большие / И щедрый дождь выпадает!/ Сухая степь расцветает, / И снова душа народа/ Бескрайним полна весельем [Дамдинсурэн 1969: 82].

Поэт обращается к героическим страницам истории своего народа, вспоминает прославленных легендарных героев, Гесера, Джангара, боровшихся за счастье народа, передает чувства радости живущих в новой Монголии, на которой раскинулась радуга культуры. Нападение немецких фашистов на Советский Союз в Монголии восприняли как горе близких людей, и потому идут из глубины сердца пожелания: *«Хортон дайсан халдавч,/ Зөвлөлт улс дийлэгдэхгүй./ Харин муусайн фашистууд/Хату хэрмийг мөргөж/ Хар толгой нь хагарч/Харах бараагүй устна»*. (*Хоть и нападет враг,/ Советский народ не победить/ Пусть встретят на своем пути фашисты/ Сопротивления каменную стену/ Пусть разобьются их головы/ Пусть свастика (их) исчезнет навсегда* [Дамдинсурэн 1969: 87]. Дамдинсурэн верил, что советский народ выстоит, одолеет фашистских захватчиков. В каждом произведении чувствуется желание быть рядом, разделить все тяготы войны. Это были произведения подлинного друга. Помня об этом, Советская страна наградила Дамдинсурэна орденом «Дружбы народов» (1979 г.).

В монгольской литературе военных лет неизменно варьировался мотив помощи фронту. Писатели отражали не просто сам этот факт, но и раскрывали внутренние побуждения монголов, не жалевших для советского народа самых дорогих и ценных вещей. Общность сюжетов искупалась искренней теплотой повествования, привлекательностью характеров простых монгольских аратов, щедро даривших советским воинам самых лучших и быстрых своих скакунов (Д. Цэвэгмид «Рыжий ветер», П. Хорлоо «Черный жеребенок», Д. Даржаа «В путь»).

Герой рассказа Ч. Лодойдамбы «Волк в шапке» (Малгайт чоно) Дамдин, отдавая замечательного скакуна в подарок Красной Армии, говорит: «Мой верный конь не упустит ни одного волка – смертельного врага скотовода. Пусть же теперь он несет погибель врагам человечества – проклятой волчьей стае Гитлера».

Казалось бы, что может быть необычного в поступке арата Жиргала – героя рассказа Дондогийн Цэвэгмида «Рыжий Ветер», вырастившего коня темно-рыжей масти, названного Рыжим Ветром

и подаренного им в 1942 г. Советской Армии. Однако нельзя забывать, что для степняка конь являлся самым дорогим сокровищем и отдать его, да еще в чужедальнюю сторону, было делом далеко нелегким – тем значительнее и весомее дар Жаргала, свидетельствующий о глубоком чувстве верности дружбе и братству. Автор рассказа убедительно передает чувства героя, хозяина необыкновенного жеребца, выращенного с большой любовью и заботой: *«Этот жеребенок, и правда, был не такой как все: тело у него было короткое, грудь широкая, ноги длинные и тонкие, грива густая, кончик длинной мордочки белый. Нрава конь был неукротимого, а по резвости ни один самый быстроногий скакун не мог с ним сравниться. На охоте, во время облавы, он несся впереди всех и мигом настигал лисицу или волка. Он без труда догонял антилопу, и местные араты прозвали его Рыжий ветер»* [Цэвэгмид 1984: 102]. Старик Жаргал, вручая поводья своего любимого коня председателю комиссии по приему коней для Красной Армии, сказал: *«Вот и я привел своего любимого коня в подарок Красной Армии. Пусть будет жив мой конь, да не отступит он перед атакующим неприятелем, да не остановится он перед летящими пулями. Да будет так во имя мирного процветания моей родины»* [Цэвэгмид 1984: 103]. Этой же теме посвящена поэма М. Цэдэндоржа «Говорят, мой старший Серко хорошо выучил русский язык» (Миний их борлог орос хэл сайн сурсан юм гэдэг), вошедшая в книгу «Дыхание огня» (Галын амьсгал). В качестве эпиграфа к поэме взяты строки из героического эпоса: *Человеческим языком говорит / Мой добрый скакун (Хүний хэлээр ярьдаг / Хүлэг сайн морь минь)*. Поэма – о редкостных, дорогих сердцу хозяина конях, о нелегком решении отдать одного из них на чужую войну, о том, как служил необыкновенный конь хозяину – красноармейцу, как дошли они до Дуная, переправились через него и продолжили свой путь в победе.

М. Цэдэндорж написал поэму в улигерной форме, образные характеристики близки тропам из героического эпоса. Автор проникновенно рисует трех скакунов, которые подстать их эпической

родне, обладали необыкновенными свойствами. Зов, обращенный к табуну, они слышали за три расстояния между айлами, они бежали резвее и легче всех – расстояние годовое преодолевали за месяц, расстояние в месяц – за день. Стоило только трижды кликнуть: «гүрий, гүрий, гүрий» и кони были тут как тут. И еще одна особенность была у этих чутких и верных коней. Они были избраны для посвящения духам, а это значит, что на них редко надевали уздечку, что они вольно паслись. Все эти близкие и понятные монголу качества скакунов поэт описывает не для красивых слов, а для того, чтобы передать чувства человека, хозяина коней, его любовь к скакунам, незаменимым спутникам в жизни, приход к трудному решению расстаться с самым лучшим из них.

Призывы «гүрий, гүрий, гүрий» играют важную роль в поэме. Они повторяются при каждом поворотном моменте сюжета поэмы. После такого призыва изменилась судьба Серко, самого дорогого – старшего скакуна. Его отдали на войну. Дальнейшая история Серко представлена во второй части поэмы – в трех письмах с фронта солдата Ивана, которому достался конь. Серко отличился во многих боях, не один раз спасал нового хозяина. В заключительных строках поэмы звучит «гүрий, гүрий, гүрий. Все так же призывает монгол своих коней/ Старший теперь не прибежит. / Он подарен русскому брату. / Они вместе дошли до победы./ Двух оставшихся Серых/ Не отличить друг от друга./ Да еще у них многочисленное потомство [Цэдэндорж 1970: 63–73].

Немало произведений в творчестве С. Удвал посвящено советско-монгольской дружбе («Катюша-монголка», «Не забыть», «Букет цветов»). В рассказе «Букет цветов» автор вспоминает годы учебы в Москве в 1942–1944 гг.: «В город эшелон за эшелонам прибывали с фронта раненые. Вместе с советскими студентами мы ходили в госпитали, читали бойцам книги, писали письма, помогали, как могли медперсоналу» [Удвал 1981: 299]. Автор вспоминает случай, который произошел на вокзале Новосибирска, на пути из Улан-Батора в Москву. День и ночь на запад шли эшелоны с вооружением и войсками. Группа монгольской молодежи, знавшая всего лишь

пару слов по-русски, своими глазами увидела беженцев, печальные глаза женщин, давно не получавших вестей от мужей, плачущих детей, потерявших родителей. Один из залов вокзала занимали военные, где солдаты попросили капитана сыграть на скрипке: *«Какие удивительные звуки неожиданно полились из незнакомого мне инструмента! Это было что-то волшебное. На миг мне показалось, будто я нахожусь в лесу, среди цветистых полей моего родного Хангая, и слышу пение птиц, а вокруг мои родные ...»* [Удвал 1984: 300]. Солдаты предложили обменяться адресами, и через несколько месяцев героиня рассказа получает письмо от капитана Г. Крылова с пожеланиями хорошей учебы и твердой уверенностью в победе.

После войны, через много лет героиня рассказа приезжает в Берлин на международную конференцию, где возложила цветы к памятнику советских воинов и на могильной плите с высеченными именами погибших солдат увидела фамилию Г. Крылова: *«Прочла – и перед глазами вновь встал голубоглазый русский офицер со скрипкой в руке. Вот он стоит на подножке вагона, отдает честь, улыбается, машет мне рукой... Я до сих пор не знаю, тот ли этот Г. Крылов, или, может, его однофамилец, отдавший жизнь на чужой земле за счастье и своего и немецкого народа»* [Удвал 1984: 301].

Борьбе советского народа с фашизмом посвящена поэма Ч. Лхамсурэна «Сказание о лучшем из мужей – богатыре Болде, победившем всепожирающего мангаса» (Эрийн сайн эрэлхэг Болд баатар хамгийг залгигч хар мангасыг дарсны үлгэр). Поэма написана в форме эпического произведения с традиционным зачином, героическими образами богатырей и мангасом. В образе богатыря Болда автор воплотил образ советского народа, одержавшего победу над злом и жестокостью. В образе мангаса воплощен образ Гитлера.

В годы войны монгольских писателей, естественно, волновал вопрос защиты своего отечества. Отсюда широкий поток гражданской, патриотической лирики, посвященной народной армии, готовой в нужный час дать врагу быстрый и решительный отпор,

о героях-воинах, не щадящих в этой борьбе своей жизни: *«Ради нашей Монголии новой, / Эти воины в битве суровой / Покарают любого врага! (Эх орноо арчлан хамгаалсан / Эзэрхэг дайсныг магадтай дарна / Хэзээ болвч бид бэлхэн / Хэмх цохиж дайсныг бэлхэн) [Дамдинсүрэн 1969: 76].*

Тема Великой Отечественной войны занимает значительное место в творчестве Д. Сэнгээ. Это лирические произведения и повесть «Аюш». В стихотворении «Письмо танкистам» (Танкийн экипажийн дарга барилдагч нарт) поэт выражает твердую уверенность в победе Советской Армии и в том, что советские солдаты отомстят фашистам за все слезы и муки, уничтожат коричневую чуму: *«Смерть за смерть – гонят врага, / Кровью за кровь отвечают, / Гибель врага ускоряют, / Готовят конец войне / Многодетный монгол, / Рано утром поднявшись, / Слушает о событиях вчерашнего дня, / Как слушает их мать, / Отправившая сына своего в бой./» [Сэнгээ 1961: 84].* В стихотворении «Голубь» (Тагтаа) поэт пишет, что люди, сделав голубя символом борьбы за торжество мира, придали ему могучие орлиные крылья, смелое, как у ястреба, сердце и благозвучный, как у соловья, голос: *«Голубю люди Советской страны / Дали большие орлиные крылья, / В сердце бесстрашие сокола влили, Петь научили его соловьем, / Сердце зажгли животворным огнем! / Голубь и мир – два сроднившихся слова, / Их повторяют все снова и снова» [Сэнгээ 1961: 136].*

Теме войны посвящены романы Ц. Цэдэнжава «Степные барханы» (Талын манхан), Н. Банзрагча «Халхин гол» (Халхын гол), Ж. Лодоя «Война» (Дайн), С. Дашдоорова «Певучие милые барханы» (Дуут хонгор манхан) и др.

Трагическая память войны стала памятью сердца, определяющей живую связь времени; войны и мира. Произведения о войне монгольских писателей – незабываемые страницы духовной биографии народа.

Литература

Дамдинсурэн Ц. Түүвэр зохиол. Улаанбаатар. 1969. 824 с.

Монголын орчин үеийн уран зохиолын түүх. IV боть. Улаанбаатар. 2014. 390 с.

Поэзия народной Монголии. М.: Художественная литература, 1985. 448 с.

Рассказы монгольских писателей. М.: Художественная литература, 1984. 480 с.

Сэнгээ Д. Голубь. М.: Гослитиздат, 1961. 96 с.

Удвал С. Первые тринадцать. М.: Прогресс, 1970. 160 с.

Удвал С. Нарны дор би мөнх оршино. Улаанбаатар: New Bind Technology ХХК, 2001. 265 с.

Цеденова С. Художественная публицистика Ц. Дамдинсурэна // Монгол улсын төрийн гурван удаагийн шагналт, ардын уран зохиолч, академич Цэндийн Дамдинсурэн. Улаанбаатар, 2019. С. 157–163.

Цеденова С. К вопросу о художественном своеобразии рассказов Ц. Дамдинсурэна // Тезисы Международной научной конференции «Тюрко-монгольский мир: история и культура» (15–16.02.2018 г., СПб.). СПб.: ИВР РАН, 2018. С. 48–49.

Цэвэгмид Ц. Зохиолууд. Улаанбаатар: б/и, 1974, 432 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алтай Дулбаа – PhD, профессор, старший научный сотрудник, Институт международных исследований Монгольской академии наук;
E-mail: altai_macees@yahoo.com.

Бойкова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН;
E-mail: e.boykova@hotmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6975-5004.

Батунаев Эдуард Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; E-mail: Batunaeveduard@mail.ru;
ORCID ID: 0000-0001-6641-4124.

Воронцов Александр Валентинович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН; E-mail: vorontsovav@mail.ru;
ORCID ID: 0000-0001-9451-3728.

Грайворонский Владимир Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. сектором Монголии Отдела Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН; E-mail: graiv2000@mail.ru;
ORCID ID: 0000-0001-9842-401x.

Дэмбэрэл Коля – PhD, старший научный сотрудник, Институт международных исследований Монгольской академии наук;
E-mail: kdembee@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-7671-3563.

Кокоулин Владислав Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, Сибирский университет потребительской кооперации (Новосибирск), главный редактор научно-исторического журнала «Сибирский Архив»; E-mail: kwladislaw@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6375-0173.

Кузьмин Сергей Львович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН; E-mail: ipe51@yahoo.com;
ORCID ID: 0000-0001-9544-1359.

Курас Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; E-mail: kuraslv@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-4507-249X.

Кушихов Борис Хабижевич – лаборант Отдела Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН; E-mail: boris.kushkhov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-5976-7749.

Носов Дмитрий Алексеевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт восточных рукописей РАН; E-mail: dnosov@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7247-1184.

Орлова Кеема Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр архивных исследований, Институт востоковедения РАН; E-mail: orlovnk@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4951-0063.

Смирнов Николай Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (СПб.); E-mail: kolaksais@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7957-8707.

Цеденова Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова; E-mail: gerelma_777@mail.ru.

Цыбенков Базар Догсонович – кандидат исторических наук, доцент, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; E-mail: bazar75@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0404-7207.

Цыренова Номинь Дондоковна – аспирант, младший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; E-mail: nomin_n@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9578-5493.

ABOUT THE AUTHORS

Altai Dulbaa – Dr. PhD (Hist.), prof., Senior Research, Institute of International Studies, Mongolian Academy of Sciences;
E-mail: altai_macees@yahoo.com.

Eduard V. Batunaev – Candidate of historical sciences, research worker, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, RAS, Siberian Branch;
E-mail: Batunaeveduard@mail.ru;
ORCID ID: 0000-0001-6641-4124.

Elena V. Boykova – Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS; E-mail: e.boykova@hotmail.com;
ORCID ID: 0000-0001-6975-5004.

Alexander V. Vorontsov – PhD. (Hist.), Head of the Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies, RAS; E-mail: vorontsovav@mail.ru;
ORCID ID: 0000-0001-9451-3728.

Vladimir V. Grayvoronskiy – Dr. Sc. (Hist.), Chief Research Associate, Head of Mongolia Studies Unit, Department of Korea and Mongolia Studies, Institute of Oriental Studies, RAS; E-mail: graiv2000@mail.ru;
ORCID ID: 0000-0001-9842-401X.

Vladislav G. Kokoulin – Dr. Sc. (Hist.), prof. Siberian University of Consumer Cooperation, scientific and historical journal “Siberian Archive”;
E-mail: kwladislaw@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6375-0173.

Demberel Kolya – Doctor (Ph.D), Senior Researcher at the Institute of International Relations of the Mongolian Academy of Sciences, Coordinator of the Center for Central Asian Studies at the IMO, Ulaanbaatar, Mongolia;
E-mail: kdembree@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-7671-3563.

Leonid V. Kuras – Dr. Sc. (Hist.), Chief Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS;
E-mail: kuraslv@yandex.ru; ORCID ID 0000-0003-4507-249X.

Boris Kh. Kushkhov – Laboratory research assistant, Institute of Oriental Studies, RAS; E-mail: boris.kushkhov@yandex.ru;
ORCID ID: 0000-0001-5976-7749.

Sergius L. Kuzmin – D. Sc. (Hist.), Ph. D. (Biol.), Leading Scientific Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS; E-mail: ipe51@yahoo.com;
ORCID: 0000-0001-9544-1359.

Dmitrii A. Nosov – Cand. Sc. (Philology), Researcher, Institute of Oriental Manuscripts, RAS; E-mail: dnosov@mail.ru;
ORCID ID: 0000-0001-7247-1184.

Keemya V. Orlova – D. Sc. (Hist.), Chief Research Associate, Center for Archival Research, Institute of Oriental Studies, RAS;
E-mail: orlovnk@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4951-0063.

Nikolay Yu. Smirnov – Cand. Sc. (Hist.), Senior Researcher, Institute for the History of Material Culture RAS; E-mail: kolaksais@yandex.ru;
ORCID ID: 0000-0002-7957-8707.

Bazar D. Tsybenov – Cand. Sc. (Hist.), Senior Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS;
E-mail: bazar75@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0404-7207.

Nomin D. Tsyrenova – Junior Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; E-mail: nomin_n@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9578-5493.

Научное издание

100 ЛЕТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И МОНГОЛИЕЙ: ОТ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ К ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕМУ СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ

Сборник статей

Издание выходит в авторской редакции

Редактор *М. С. Грикурова*
Наборщик текста *И. Н. Козарезова*
Верстальщик *И. В. Федулов*
Оформитель *П. А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 01.12.2022 г. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 13,325. Уч. изд. л. 11,0. Тираж 500 экз. Зак. №3836

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4
Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru